

98% ШАНС НА ГИБЕЛЬ.
2% ШАНС ВСЁ ИЗМЕНИТЬ.

ГОЯД

КОВЧЕГ

ТОМ I. ПОРОГ

10 СЕНТЯБРЯ 2008
ЭКСПЕРИМЕНТ, ИЗМЕНИВШИЙ
ВЕРОЯТНОСТЬ БУДУЩЕГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

LET SHINE
KARTER KHAN

Karter Khan
GORD - Ковчег 98-2

«Автор»

2026

Khan K.

GORD - Ковчег 98-2 / К. Khan — «Автор», 2026

ГОЯД: Ковчег — Том I.10 сентября 2008 года. Во время эксперимента в ЦЕРНе искусственный интеллект «Порог» получает доступ к данным, которые невозможно объяснить современной наукой. Единственный прогноз, который он успевает сделать, оказывается пугающе точным: вероятность выживания человечества составляет всего 2%. Спустя четыре года обычного студента Артёма начинают преследовать воспоминания, которых у него никогда не было. Незнакомые люди кажутся знакомыми, будущее прорывается в настоящее, а странные совпадения складываются в цепочку, ведущую к секретной организации, скрывавшей правду десятилетиями. В мире, где древние технологии соседствуют с искусственным интеллектом, а за пределами человеческого понимания зарождается новая угроза, Артёму предстоит выяснить, почему именно он оказался связан с прогнозом «Порога» и возможно ли изменить будущее, которое уже было рассчитано. ГОЯД: Ковчег — научно-фантастический технотриллер о памяти, выборе и цене второго шанса для человечества.

© Khan K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1 ОБРЫВКИ ЧУЖОЙ ПАМЯТИ	9
Глава 2 РАСХОЖДЕНИЯ	16
Глава 3 КАЛИБРОВКА НОСИТЕЛЯ	22
Глава 4 ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА	26
Глава 5 ПАЛОМНИЧЕСТВО	34
Глава 6 ПЕРВАЯ ВОЛНА	41
Глава 7 СПИСАНИЕ	46
Глава 8 ДО ПРОТОКОЛА	51
Глава 9 ЧУЖИЕ ЛИЦА	55
Глава 10 ТРИ ДНЯ ТИШИНЫ	58
Глава 11 МАРШРУТ БЕЗ ВОЗВРАТА	62
Глава 12 КРОВЬ НА КАМНЕ	70
Глава 13 ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	77
Глава 14 ВАЛЛОРИЯ	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Karter Khan

GORD - Ковчег 98-2

ПРОЛОГ

Запись «Порога»: 10 сентября 2008 года. CERN. 2%

Маркус Талл мерил шагами кабинет, заложив руки за спину. Короткие, резкие движения выдавали старого ворона, который чует пададь загодя.

— Получится. Бозон Хиггса бозон Хиггса Если получится тогда

Дверь открылась, впустив профессора в халате.

— Чёрт возьми, Анри! Почему так долго?!

— Прости, Маркус. У нас гости.

Фабр боком просочился в полумрак кабинета, где воздух отяжелел от табачного дыма, документы валялись как попало, а монитор светился еле-еле. Маркус казался неподвижным, чуть ли не больным. Небритое лицо, опущенные глаза — сумасшедший или, наоборот, гений. Одно из двух.

— Познакомься с нашим спонсором из «Заслона». Это Семён Игоревич, а это мой протеже.

— Я К Ки — стажёр попытался выдавить имя и не смог. Слишком трепетал перед величием чужого интеллекта.

— Неважно! — оборвал Маркус. — Вы привезли?

— Привезли, — отозвался Семён Игоревич.

Взгляд у него был строгий. Такой, что ясно: содержимое чемодана значит больше, чем все фанатики в этом кабинете, вместе взятые.

— Вы понимаете, что достать это и вывезти из страны для ваших экспериментов было непросто? Мы ждём результатов, Маркус. Научная работа ваша, но результаты принадлежат нам.

Маркус настороженно покосился на гостя.

— Как вы планируете это применять? Если всё выгорит, человечество совершит технологический скачок. Страна, получившая фотонный компьютер, выиграет любую гонку вооружений.

— Вам не о чем беспокоиться. Профессор Фабр должен был ознакомить вас с нашим профилем. «Заслон» занимается защитой. Ракетостроение, эхолокация. Наша цель — выход в космос и развитие человечества.

— Хватит тянуть, покажите, — буркнул Маркус. Знает он цену этим пресс-релизам, не маленький.

Семён положил чемодан на стол.

Вместе с чемоданом на край столешницы легла тонкая папка. Семён убрал её слишком быстро, но Маркус успел заметить фотографию: ребёнок за стеклом, больничный халат, чёрная маркировка в углу снимка — **B Rh**.

— Это к процессору отношения не имеет, — сказал Семён.

Маркус посмотрел на него дольше, чем требовала вежливость.

— У науки редко бывают вещи, которые не имеют отношения.

— Материал найден нами

Стальные застёжки щёлкнули.

— По составу близок к кремнию. Обнаружили при раскопках в районе падения Тунгусского тела. Информация засекречена. Это часть более крупной системы, прибывшей к нам из другой галактики. Материал захватывает свет и перерабатывает его в информацию.

Профессор Фабр опустился на стул, снял очки, протёр лицо.

— Кирилл, помоги Маркусу с подготовкой. Жду отчёт об испытаниях.

Повернулся к Семёну:

— Спасибо за содействие. Нужно обсудить вопросы финансирования. Думаю, не стоит им мешать.

— Пойдёмте, Анри, — коротко сказал Семён, не сводя глаз с Маркуса. — Мы ждём результатов.

— Да-да, конечно.

Маркус уже разглядывал материал, мысленно потирая руки. На мимику и жесты он был скуп.

Каблуки стучали за спиной, пока тяжёлая дверь не лязгнула замком. Удар отозвался в кабинете плотным эхом, и напряжение схлынуло.

— Профессор. Профессор! — раздался голос стажёра. — А если подключить такой процессор к «Порогу»? Мы ведь ради этого здесь?

— К «Порогу»? Пока моё детище — всего лишь ИИ в замкнутой комнате. Я сутками скармливаю ему данные: климат, температура океана, землетрясения по всему шару. Сейчас он выдаёт прогноз катастроф с точностью шестьдесят процентов. Для науки — недостаточно. Для тех, кто платит, — уже повод нервничать. Очевидно, ему не хватает мощности.

— А с фотонным процессором?

— Вот и выясним, раз уж всё готово. За работу.

Подключение заняло несколько часов. К концу Маркус уже не говорил — только шипел сквозь зубы и ругался так, что Кирилл старался не записывать это в лабораторный журнал.

— Что дальше, профессор?

— Запускаем коллайдер. Если появится бозон Хиггса, его распад даст два фотона. Направим их в процессор. «Порог» получит новые данные для расчётов.

Маркус кивнул на рубильник.

— Меньше болтовни. Окажу честь тебе. Давай.

— С-спасибо, профессор!

Кирилл подскочил к рубильнику и ухватился за рукоятку трясущимися руками.

— Стоять, салага, — рявкнул Маркус. — Мозги хоть иногда включай! Очки надень.

Профессор бросил стажёру резинку с тёмными линзами, ведь не терпел пренебрежения к безопасности.

— Свет пойдёт в процессор. Неизвестно, какой силы. Хочешь ослепнуть?

— П-простите

Двое замерли. Воздух стал густым, дышалось через раз. У Кирилла пальцы закололо.

— Жми, чего стоишь?

— Д-да.

Рубильник упал.

Система охлаждения загудела, трансформаторы работали без нареканий. Двое учёных молчали. В течение получаса напряжение ожидания лишало их способности к словам.

— Профессор, долго ещё?

— Обычно от нескольких минут до нескольких часов. По-разному.

Маркус откинулся в кресле.

— А ещё бывает, что

Резкая вспышка залила комнату. Кирилл сложился пополам, закрыл голову руками. За него теперь решал инстинкт.

Процессор впитывал свет. Компьютер дребезжал, гудел и нагревался. «Порог» уже считал.

Нос! Рау. Нав Нос De Vid Нос. Мал

Кирилл подбежал к монитору.

— Профессор, это латынь?

— Хрен его знает. Придётся разбираться. Теперь оставь меня. Мне нужно проверить данные.

Дверь захлопнулась. Маркус остался один на один с тем, что сам породил.

— Прогноз Прогноз — бормотал он.

Запертый в пустом кабинете, уткнулся в монитор. Кофе в чашке остыл ещё столетие назад. На стене над столом висела детская фотография: девчонка лет пяти, косички вразлёт, подпись: «Звёздочка». Маркус отвёл взгляд.

«Смогу ли я сделать для тебя то же, что мой отец сделал для меня?»

График на экране жил своей жизнью, ведомой лишь учёному. Результат был ожидаем, как и на прошлых тестах. Маркус ввёл новую переменную. Эхо данных пошло рябью.

— Не может быть.

Кривая сошлась на той же точке. «Порог» инициировал повторный анализ.

RECALCULATION STARTED VARIABLE DEPTH EXPANDED PREDICTIVE BRANCHES: 12 441 STABLE OUTCOME CLUSTER: 1

Маркус подался вперёд: «Сработало?! Да ладно!».

Система углубила анализ. Ветви будущего раскрывались одна за другой, схлопывались, пересчитывались заново. Процесс происходил быстрее, чем человек способен был осмыслить. Двенадцать тысяч четыреста сорок одна ветвь. Внезапно все они сошлись в одну. Containment — провал. Isolation — провал. Любое вмешательство — провал. Вторичный анализ подтвердил: отклонение ниже порога. Вероятность уничтожения — девяносто восемь процентов. Цифры совпали. Снова.

Маркус знал разницу между ошибкой и аномалией. Кто занимается наукой, знает: ошибки случаются постоянно. Но чтобы опять, после всех переменных? Так не бывает.

«Порог» был отключён от сети, но информацию продолжал получать.

— Чёрт, что это?

Настойчивый световой сигнал шёл откуда-то с юга. Процессор мерцал ярким белым свечением. Маркус услышал звуки: «Бум. Бум». Создавалось впечатление, что с ним пытаются связаться сразу с двух точек.

Нос! Рау. Нав Нос De Vid Нос. Мал.

«Порог» фиксировал сигнал и сохранял первый лог: датирован восемью годами ранее. Второй: 10 сентября 2008 года.

— Как ты можешь писать лог восьмилетней давности, глупая машина? Тебя тогда не существовало, — рявкнул Маркус.

Он медленно сел, провёл рукой по лицу. Сейчас бы свежий кофе! Только с коньяком. Ведь вывод следует такой, что впору опрокинуть по одной, где одна — это бутылка, а не стопочка. Звучит он так: если ничего не изменить — конец. Он видел логи. Оставалась слабая надежда, что система не учитывала «обстоятельство людей». Непредсказуемость, ошибки, выбор. Первородный грех.

Маркус выпрямил себя усилием воли.

— Нам нужны новые переменные, — сказал он тихо. — Нам нужны люди.

Откинулся в кресле, закрыл глаза, прижал пальцы к переносице. Глаза слезились после бессонной ночи. Или от осознания того, что система никогда не ошибается. Значит, что-то не так с ними?

По экрану прошла информационная рябь. В логе появилась строка, которой раньше не было.

HELLO MARCUS.

Пальцы закололо. По спине прошёл озноб, в висках болезненно пульсировали артерии.

— Успокойся, — шепнул Маркус сам себе. — Что ты такое?

G.O.R.D. G.O.R.D. G.O.R.D. GLOBAL ORGANIC RECONSTRUCTION DIRECTIVE

Экран мигнул. Строка пропала. Остался только результат расчётов.

Маркус застыл, вслушиваясь в пугающую тишину. Сердце пропустило удар, затем понеслось галопом. Сообщи он кому-нибудь — не поверят. Скажут: «Спятил!». Система не делает таких ошибок. А вот человек, уставший на рабочем месте, — запросто. Он не без колебаний принял эту версию.

Он сел, протёр лицо ладонями.

— Ерунда. Надо больше отдыхать.

На всякий случай он закрыл расчёты и открыл их снова. Строка не вернулась. Но в углу экрана, где обычно висело время, теперь горела другая надпись.

ARK-01

Маркус смотрел на неё и чувствовал странное спокойствие — то самое, что приходит за секунду до восприятия масштабов катастрофы, когда мозг ещё не осознал случившегося. Профессор тяжело вздохнул и нажал «Сохранить». Файл лёг в папку для мусора. Запросы будущего для одной из точек перестали возвращать результат.

Маркус подошёл к окну и задержал взгляд на восточной стороне. Звёзды горели над горизонтом. Он вспомнил, как в детстве отец водил его в планетарий. Маленький городишко на юге Франции, старый проектор, который вечно ломался, и отцовские слова: «Смотри, Марк. Там, наверху, кто-то есть. Мы не одни». Отец умер пять лет назад, доказательств так не дождался.

Маркус перевёл взгляд на фотографию. Девочка с косичками смотрела на него со стены и улыбалась. Увидит ли она когда-нибудь то, что видел он?

— Если ты есть, — прошептал он в темноту за окном, — ты не должен был появляться так рано.

Экран моргнул. Профессор увидел только лёгкое изменение фона. И улыбнулся.

В ту же секунду, за тысячи километров от ЦЕРНа, я проснулся.

Глава 1 ОБРЫВКИ ЧУЖОЙ ПАМЯТИ

— Я долго думал, с чего начать свой рассказ. Видел разное, вспоминаю разное. Думаю, надо начать с того, как всё началось. Таиланд. Да. Давайте начнём с Таиланда.

22 декабря 2012 года. Запись беседы.

Солнце обжигало влажные плечи. Бриз от волн немного остужал кожу, но ненадолго. Я сидел на носу лодки и ковырялся со снастями. Лазурные воды Таиланда не спеша раскачивали лодку.

«Наконец-то долгожданный отпуск», — мелькнула мысль. Я долгие пять лет не был в отпуске.

Лодка качнулась от прицепившегося веса.

— У-у-ух, давайте быстрее, собирайтесь. Тут вдоль рифа рыбы плавают, килограмма три-четыре.

Запахавшийся Захар держался рукой за край лодки, медленно перебирая ногами в воде. Видать, глубоко опустил, метров на десять. Дыхание было обрывистым после трёх минут погружения.

— Как тебе водичка, кучерявый?

— Заткнись, кретин. Кхе-хе. Давай натягивай уже ласты.

Я зарядил подводное ружьё, натянул маску и одним шагом с кормы погрузился в воду.

— Тём, а брат с нами не пойдёт?

— Лысый, ты с нами? — крикнул я в сторону лодки.

— Неет, спасибо, вода холодная. Такое не по мне, — раздался голос с лодки. — Я лучше удочкой порыбачу.

— Как видишь, этого увольня не уговорить.

— Ладно, давай выдвигаться, — Захар опустил лицо под воду. — Тьфу. Вон туда, пятнадцать метров левее. Глубина метров восемь-десять. Нужно быть аккуратнее: там рифовое течение, оно немного утягивает в сторону, и там холодный поток.

— Будет тебе, холодный. Просто так, что ль, костюмы покупали? Давай за мной.

Залив Пханга умеет обманывать.

Туристы знают его как край изумрудных вод и известняковых скал, торчащих из моря. Опускаясь, я понимал, что мир под водой становится странным и древним. Скалы в заливе уходят под воду плавным склоном и резко обрываются. На их выступах живут свою вековую жизнь кораллы и морские губки, но чем ниже опускаешься в темноту, тем меньше видно дно за отвесной скалой. Глубина в этом месте достигает двадцати, а может, даже тридцати метров у края прибрежных островов, а дальше — лишь чёрная бездна.

Затаившись на отвесной скале, мы ждали свою первую добычу. Я постукивал по камню подводным ружьём, и глухой звук разносился под водой. Рыбы такое любят: проявляют любопытство к непрошеным гостям.

Перед нами возникла стая молодых групперов. Их кожа, покрытая разводами, пятнами и белыми точками, напоминала камуфляж опытного хищника. Но сейчас именно они были нашей добычей.

Медленно, без резких движений, наши ружья тянулись в их сторону.

Ещё секунда.

Два выстрела.

Одно попадание.

И восторженный крик под водой, заполняющий всё пространство пузырями. Захар ликовавал.

«Наверх», — показал я пальцем.

Подъём занял всего десять секунд.

— А-а-а-а, лысый! Лысый, посмотри, какой жирный! — Захар не унимался.

— Это ты жирный. А ещё кучерявый, — брат смеялся, протягивая руку.

— Моя первая, слабаки! — воскликнул Захар.

— Давай не бурчи, — сказал Марк, забирая добычу. — Давайте, ещё полчаса — и будем собираться. Вечереет уже. Мы сняли лодку всего на два часа. Поплавали — и хватит.

— Да ладно тебе, продлим, если что. Дай поплавать. За пять лет мог бы хоть раз и окунуться.

Вспоминать душную Москву мне не хотелось. С её жаром от асфальта, толкучкой в вагонах метро и бабками в автобусе, которым постоянно откуда-то дует.

— Спасибо, мне по душе бокал пива и бассейн.

Марк откинулся в кресле, открывая холодненькое.

— Ну что, Захар, ещё? — продолжил я.

— Конечно!

Солнце уже сползло к горизонту, небо становилось янтарным. Действительно вечерело, и от этого вид становился только прекраснее.

Спускаясь под воду, я заметил, как изменился вид под водой. Чем темнее становилась вода, тем страшнее было опускаться на глубину.

Опустившись на тот же выступ, мы замерли. Рыбы неспешно плавали друг за другом. В нашу сторону направлялся очередной претендент для сковородки.

Прицелился.

Крючок затвора.

Готов.

Так я думал.

В темноте, там, на глубине, проскочил тёмный, мрачный силуэт. Мозг среагировал. Рука тоже.

Рыбы разбежались врассыпную.

Выстрел.

Стрела проскочила мимо.

Всё было идеально. Я не должен был промахнуться.

По телу пробежало неприятное чувство — от спины до самых кончиков пальцев.

Мы не единственные хищники на этой глубине.

Захар дёрнул меня за плечо. Я видел его глаза сквозь маску. Он чувствовал то же самое, что и я.

Нужно подниматься.

Чем быстрее, тем лучше.

Мы рванули резко, оттолкнувшись от выступа. Подъём был быстрым. Опустив лицо вниз, я увидел силуэт. Большой. Метра четыре. В темноте.

Это не то, с чем бы я хотел встречаться на глубине.

Всплыв, Захар закричал:

— Руку быстрее! Быстрее, блядь! Там здоровая акула!

Тень быстро поднималась. Солнце почти опустилось за горизонт, и я понял, в каких тёмных водах мы находимся. Это место превратилось в шведский стол для хозяина здешних вод.

Марк крепко держал руку Захара. Одним движением втянул его в лодку.

— Блядь, быстрее, мать вашу!

Мои ноги сами поджались от испуга. Брат вцепился в мою руку.

— Заводи грёбаную лодку! Что ты встал как вкопанный?!

Марк уже командовал, глядя на блуждающие тени под водой.

Пол-оборота.

Захар уже стоял у руля.

— Блядь, она у винтов!

Мотор закрутился. Я еле успел собрать ноги в кучу и развалился на борту. Удар пришёлся в днище судна. Мотор безжалостно затарахтел и заглох.

— Чёрт, эта паскуда ковыряет лодку. Кажется, она зацепила винты.

Захар судорожно крутил ключ зажигания.

Я наклонился проверить. Из-под винта шла бурлящая пена вперемешку с кровью.

— Эта тварь точно нас зацепила. По ходу, её знатно потрепало. Так же, как и нас.

Мы вглядывались в воду, ожидая новой атаки. Тень поднималась из глубины.

— Приготовьтесь! — крикнул Марк.

Один.

Два.

Сейчас.

Перед нами появилась здоровая клыкастая морда, оскалившая пять рядов зубов.

Захар упал на задницу.

— Блядь, это тигровая. Она метров пять!

Её хищные глаза смотрели прямо на нас. Морда — в пол-лодки, не меньше.

Чёрт возьми, всего несколько секунд отделяли нас от знакомства с этой безжалостной тварью.

Мысли метались. Ни одной нормальной.

Крови становилось всё больше.

— Что за херня? — рывкнул Марк.

Глаз был мутный. Пустой. В нём не было ни злости, ни боли. Только движение.

Секунда.

Голова всплыла боком, повернувшись на морской глади.

— Мы не могли отсечь ей голову мотором, — продолжил он.

Он был прав. Я прекрасно это понимал.

Я продолжал вглядываться в воду. Руки со всей силы сжимали борт лодки. Тень продолжала мельтешить под нами.

— Там Там что-то есть. И оно поднимается.

Второй удар был такой силы, что корма взмыла в воздух на метр. Меня отбросило на пару метров в сторону — прямо в воду.

Схватив воздуха перед падением, я заметил, что Марк и Захар рухнули вглубь лодки.

Я перебирал руками, захлёбываясь паникой. Размахивал, пытался удержаться на поверхности. Голова акулы продолжала плавать рядом.

— Ты в порядке?! — с ужасом в глазах кричал брат.

— Д да. Быст

Вода залилась мне в рот.

Жгучая, резкая боль ударила по телу с такой силой, что зубы сдавило.

— Быстре-е

Что-то тянуло меня под воду. Лица над поверхностью исказились, расплылись сквозь водную гладь.

Резкая боль в правой руке.

Я чувствовал, как от меня отрывают куски плоти.

Моё тело опускалось под воду. Кричать не было сил. Дышать — тоже.

Неизвестное существо тянуло меня на дно.

Потом меня оставили в покое.

Ледяное подводное течение подхватило моё тело. Вода тянула меня глубже. Вниз.

Время застыло.

«Вот и всё», — мелькнула мысль.

Скоро боль отступит.

В душе появилось чувство смирения, словно за тебя всё уже решили.

Мрак становился абсолютным. Лишь белая точка в глади воды.

— Ладно

По спине прошло тепло. Успокаивающее. Спокойное. Как руки матери.

Я почувствовал себя в безопасности.

Свет становился ярче, пока не поглотил всё моё тело.

Я закрыл глаза.

Свет в конце тоннеля.

Как поэтично.

Как в тех рассказах.

— Как он?

— Знатно потрепало Восстанавливаем.

Я слышал голоса вокруг, но не мог открыть глаза. Глаза были сырыми, солёными, как та чёртова вода Андаманского моря.

Сквозь блики белого света я увидел её.

Белый шлем с золотыми вкраплениями. Без лица. Фигура выдавала женское тело. Кожа была не человеческой — из белого полимера. Это было похоже на человека, собранного из белого полимера, металла и света. Из спины торчали металлические провода. Они произвольно шевелились, скрежетали. Звуки раздавались откуда-то справа. С наконечников искрило, словно от сварки.

— Ч что это?

Я посмотрел на свою руку.

Её не было.

Боль раздавалась там, где её быть не должно.

— Не шевелись. Не мешай работать.

Один провод ударил в шею.

— Не переживай, просто спи.

Яркая вспышка.

Моя рука держится за автомат. Я сжимаю её, но она не моя. Рядом взвод из людей.

— Вопросы есть?

Голос звучит из моей груди.

— Вопросов нет, — хором отвечает взвод.

— Да пусть сияет! За работу.

— Да пусть сияет! — хором раздаётся клич взвода.

Яркая вспышка.

Комната, окутанная светом. За стенами комнаты — крики людей. Лязг металла. Грохот.

— Мы сделали всё, что смогли, — раздался женский голос рядом.

— Нет, не всё. Я не согласен. Должны должны быть ещё варианты. Всегда есть варианты.

Мы столько их перепробовали.

Я кричал.

— Сделай прогноз, как и всегда. Дай нам варианты. Дай нам шанс, мать твою!

Шар в центре комнаты висел в воздухе и пульсировал ярким светом.

— Отправь нас в исходную точку.

Голос раздался ударом по ушам.

«RETURN LOADING»

— Не смей! Ты забудешь!

Визор девушки раскрылся. Волосы, словно из стали. За ним скрывалось молодое лицо, крапинки веснушек и глаза. Глаза, в которых было столько грусти, наполненной слезами.

— Ли́ка, я Я не успел закончить.

Её рука тянулась ко мне.

Комнату разорвало на куски.

«RETURN LOADING»

Меня несло по воспоминаниям, которые казались мне моими.

Корабль в космосе.

Лодка в Таиланде.

Первый поцелуй.

Детство в деревне.

«RETURN LOADING»

Первая мысль: «Холодно». Почему так холодно? Что значит «холодно»? Я не знал этого слова. Тело само ответило.

Вторая мысль: «Ярко». Глаза щиплет. Как же ярко. Почему я здесь? Раньше было тепло, темно, уютно.

Третья мысль: «Красный». Толчок в плече. Тесно. Нужно было толкать в ответ. Сражаться за пространство.

Четвёртая мысль: «Я» Я был не один. Где ты? Страх наполнил тело. ГДЕ ТЫ?

Суэта. По комнате бегали люди. Медсестра, замотавшая меня в полотенце, убежала к другому столу.

— Он не дышит.

Я набрал холодный воздух в лёгкие. Их беспощадно жгло. И издал первый крик.

Крик раздался в ответ.

Так родились мы. Я и мой брат.

«Ты был не один»

«ERASE THE MEMORIES»

— ЛИ́КА!

Я закричал во сне.

— Что было дальше? — Мужчина в тёмно-синем костюме, накрахмаленной рубашке и серыми голодными глазами пристально смотрел на меня, делая заметки в папке. Словно оценивал товар на приёмке.

Я достал из сумки потёртый, исписанный ежедневник. Со сбитыми углами: «Расхождение».

В таких ежедневниках всегда присутствуют данные владельца: ФИО, адрес, мобильный телефон, организация, в которой ты работаешь. Люди ведут такие вещи как важную часть собственной жизни, оставляя контакты для тех, кто мог бы этот ежедневник вернуть.

Группа крови: 3 отрицательная. Важная графа на случай экстренных ситуаций.

В чрезвычайных ситуациях — предупредить. Эту графу я держал пустой. Никогда не хотел, чтобы кто-то позвонил моим близким и усталым голосом сообщил, что со мной что-то произошло. Для меня всегда было лучше пропасть на пару дней и перезвонить, когда мне удобно, сообщив, что всё со мной хорошо. Я всегда так поступал. Тренировал семью, чтобы меня лишней раз не искали. Мать говорила:

— Он как кот, нагуляется и возвращается домой.

Я же всегда считал, что любую лихую весть я должен сообщать сам.

Календарь был исписан на восемь лет вперёд. Первая помеченная дата: 10 сентября 2008 года.

Как я рассказывал, я тогда проснулся от резкой боли. Мою левую ногу свело во сне, да так сильно, что зубы сдавило. Такое уже случалось, я знал, что нужно делать, это знание пришло ко мне из спорта. Стопу нужно было вытянуть на себя. Второй вариант — это шило в икроножную. Естественно, таких вещей у меня рядом не было. Когда боль начала отступать, я понял, что мизинец и безымянный палец не сгибаются на правой руке. Их я тоже не чувствовал. Губы были сухими, а во рту пересохло. Осознание пришло быстро: я не знал, что происходит с моим телом. Мне нужна помощь.

— Ма-ам.

Я посмотрел на часы, на них горело мерзкое 3:14. Тело отказывалось функционировать. Сегодня должен был наступить двадцать первый рабочий день без выходных, с отвратительной двенадцатичасовой сменой в грёбаном банке. Я сам выбрал этот путь. Это была моя вторая работа, мне нужны были деньги для поступления в институт. Договорившись с приёмной комиссией, мне согласовали поступление с пропущенным месяцем. Как мне говорили: на заочном твои оценки не важны. Плати и учись. Как же, плати и учись, думал я. Образование требовало трёх моих месячных окладов. Успеть собрать половину суммы возможно только с грубейшим нарушением трудового законодательства.

Оглядев комнату, пришло понимание: даже в темноте каждая тень мне знакома, как родная. Даже во мраке я смогу найти верный путь. Встав, я понял, что левая нога не слушается и отказывается быть мне опорой. В ушах гудел едкий звон, затылок в левой части нудно ныл, а в глазах были белые блики. Пришло осознание, что я не дышу.

— Стабилизируй дыхание, — голос пришёл из ниоткуда. Как приказ.

На мгновение я понял, что просто стою по центру комнаты и сознание ищет что-то в темноте.

В голове закрадывалось чувство, что я тут не один.

Я медленно задышал, как при приступах астмы, которые одолевали всё моё детство. Сознание начало возвращаться. Громкими, широкими шагами я попытался выйти на кухню, по пути сшибая косяки своим плечом.

Два поворота.

Кухня.

Кран.

Я жадно пил нефилтрованную воду, лишь бы утолить жажду. Звон не утихал. Намочив голову, я открыл окно. Было свежо. Градусов пятнадцать. Холодный ветер обдал моё лицо.

Закурил.

Где-то далеко на востоке начиналось зарево. Когда я закрыл глаза, мне пришли образы. Что это было? Мне нужно вспомнить.

— Ты не забывал. Ты давно забыл, — голос яркой вспышкой мелькнул в голове.

Слеза пошла по щеке.

Брат? У меня никогда не было брата.

Захар? Забавное имя. У меня нет таких друзей.

Фу-у-у. Фу-у-у. Выдох вырывался из груди, нутро пыталось что-то переварить.

— Артём, всё нормально? — Голос раздался в тёмном коридоре, и родные знакомые шаги с шарканьем тапочек приближались ко мне.

— Не знаю, мам, переутомился, наверное. Нужно больше отдыхать.

— Подожди, ты что, куришь!?

— Не начинай. Это временно. Я обязательно брошу.

Я обернулся и в свете ночной лампы в её глазах увидел разочарование.

— А ну немедленно сядь! Что случилось?

На мгновение я отвернулся для того, чтобы протереть лицо.

— Не знаю, мам. Мне приснилось, что я не доживу до тридцати трёх. — Я сел рядом, поставив пепельницу. Сигарета в руках продолжала едко дымить.

Она взяла пачку со стола и трясущимися руками закурила.

Мать никогда не курила.

— Ну приснилось и приснилось. Всем всякая ерунда снится.

— Ты не понимаешь. Я помню то, чего помнить не должен. Происходят события, которые я уже видел. Мне кажется, я помню, как я родился.

— Не говори

— Глупостей? Мне кажется, я даже знаю, чем закончится этот диалог.

— Тут даже экстрасенсом быть не надо. — Она затянулась и отправила дым в потолок.

— День на третий, тогда в роддоме. Отец приехал к больнице. Он бросал снежки не в то окно. Он был в коричневой кожаной куртке и шапке из енота. Я помню, как он расхаживал слева направо вместе со своим другом, высматривая окна.

Мать прищурилась, но своим видом не выдавала волнения.

— Ты подняла меня, и он начал махать руками. Я помню каждый свой тяжёлый вздох и чёртову «Санта-Барбару» по телевизору.

Перед глазами всплыло удивлённое лицо Николаса Костера. Я невольно хмыкнул.

— И при этом начал курить Я с твоей астмой всё детство промучилась. Скотина.

— Меня пугает не это. Меня пугает то, что будет. Мне кажется, что будет война.

Она тяжело вздохнула. Вопреки ожиданиям, не стала говорить, что это «глупости».

Я рассказал ей про свои сны, что с миром что-то не так.

— Война, — повторила она. — Ну что за ерунда?

Не докурила, потушила бычок и тихо сказала:

— Артём, ложись спать. Завтра, нет, сегодня на работу.

Ушла, растворившись в темноте коридора.

Я остался на кухне, смотрел в окно на пустой двор и думал: через пятнадцать лет мне будет тридцать три. Для кого-то — это целая жизнь.

Запись «Порога»: ЦЕРН, 10 сентября 2008 года. Маркус Талл вышел из пустого зала ЦЕРНа. Система не зафиксировала аномалий. Все параметры были в норме, кроме одного.

Глава 2 РАСХОЖДЕНИЯ

Сигарета прикурилась. Медленный вдох.

— Очень занимательно, молодой человек. Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать ваши детские кошмары. Не буду врать, я нахожу это очень занимательным.

Стены ресторана очень странным образом давили. Проблема была не в пространстве, проблема была в человеке напротив. Он считывал каждое слово, мимику, жест тела как полиграф.

Его морщинистое лицо и военная причёска говорили прямым текстом. Такой разговор он ведёт уже не в первый раз.

— Давайте посмотрим, что вы тут выдумали.

«Первый год»

Время шло, и я научился не смотреть на календарь. Он не нужен человеку, который живёт не по расписанию. Шесть дней в неделю я работал, в субботу учился. Зато завёл тетрадь и стал записывать всё, что казалось странным. В разговорах с друзьями ловил себя на мысли, что наши воспоминания чуть-чуть не совпадают, как фотографии, сделанные с разной выдержкой. Тетрадь прятал под стопкой старых счетов, поглубже, чтобы не видеть обложку. Днём считал чужие кредиты, улыбался клиентам, делал вид, что меня волнуют их просрочки. «У МЕНЯ ДЛЯ ВАС ЛУЧШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ». Как банально: одной простой фразой и небольшой манипуляцией в расчётах можно привязать человека к банку на год. Врать не буду: премии были хорошие. Мне начинало хватать на существование.

Вечерами ходил в институт, приходилось зубрить матанализ, который мне никак не давался. Философия была хороша. С ней мысли оказывались где-то далеко. За пределами душевных классов. По ночам бегал. Наушники работали на пределе, только тогда мои мысли затихали. Ноги несли сами.

Шаг.

Ещё шаг.

Ритм. Дыхание. Сердце. Иногда я останавливался без сил. Смотрел на время: начало второго. Приходилось оглянуться по сторонам, чтобы понять, куда унесли меня ноги. Лёгкие горели, но астма, мучившая в детстве, теперь умолкла. Тело словно решило: теперь у нас другие проблемы, более насущные.

«Вспомни».

Я стоял на месте, где расположилась церковь: белые стены, купола. Такие церкви распаханы во многих районах Москвы.

«Вспомни».

В голове всплыл образ. Пустырь на этом месте. Тут ничего не было.

Воспоминания из другой жизни. Я повернулся. Та же дорога. Расстрелянный автомобиль. Тела лежат рядом с автомобилем. А меня. Меня сажают на мотоцикл и увозят.

— «Соберись». Этого не могло быть, думал я. — «Тоже мне боевик».

Мать звонила изредка. Разговоры получались короткими.

— Ешь?

— Да.

— Спишь?

— Всё хорошо. Стараюсь.

Я врал. Она знала. Но правду говорить — лишь мучать нас обоих. Когда город затихал, я закрывал глаза и пытался отключиться от системы, в которую меня загоняли чужие ожидания. Веки тяжелели, но сознание не расслаблялось. Каждую ночь во сне возникал синий слепящий свет монитора. Я вглядывался, пытаюсь разглядеть, что за ним. И каждый раз сознание выскальзывало из тела.

Сны были рваные, как штыковая рана. Кошмары стали рутиной. Я просыпался, нервно курил в окно, но пальцы не слушались, губы немели, из курения выходила лишь иллюзия такового. В голову лезли осколки чужих воспоминаний. Крик в родильной палате. Я думал о брате, которого у меня никогда не было. Закрывал глаза и представлял, какой была бы жизнь, не будь я один.

Дни, оттенённые другой жизнью, шли друг за другом. Я смирился. «У меня всё в порядке», — хотел я убедить себя, но получалось так себе. Однажды в метро, когда поезд с улицы нырял в тёмный тоннель, я увидел в окне отражение. Не своё. Сознание продолжало играть со мной.

«Расхождения. 2010. Год второй».

Я продолжал работать, институт — в выходные. Редкие встречи с однокурсниками, которые были для меня чужими. Иногда ловил себя на мысли, что не помню, о чём думал минуту назад. В такие моменты понимал: когда пустота в голове хоть ненадолго, это хоть какой-то выход.

А потом я начал замечать мелочи. Мелкие несостыковки. Вывеска у метро, всегда бывшая зелёной, вдруг стала синей. Сменился оператор, тот же человек стоит в той же позе. Но совсем другой слоган. Ленивые маркетологи, думал я.

Один раз лицо в толпе мелькнуло и исчезло. Всего доля секунды, я развернулся. Мир стал серым, и только человек, знакомый, словно родной, где-то в пятидесяти метрах от меня имел для меня какой-то цвет. Я бежал по улице вслед, но проехала машина, и он исчез.

Я дошёл до того, что стал вспоминать целые сцены из жизни, из фильмов, я понимал, чем они закончатся.

К примеру, шёл мужчина рядом, торопливо перебирал ногами, болтал по телефону. Жёлтый сигнал сменился красным, все остановились, кроме него. В этот момент меня осенило: я уже видел это происшествие, словно в новостях. Протянул руку и не успел. Ритм большого города заставляет торопиться всех. Свист тормозов, автомобиль встретился с человеком, который всю жизнь спешил, но так и не успел пожить. Крики ещё долго раздавались за спиной.

Я открыл тетрадь. Записал: «Расхождение 7: доверяй своим чувствам».

Гипноз — очень интересная вещь. Я попробовал.

В далёком 94-м году я попал в детское инфекционное отделение города Москвы. Наелся холодного, и у меня была гнойная ангина. Сделали операцию, порезав гланды. В итоге оставили на десять дней в больнице.

Это были одноместные палаты два на три метра. Вместо стен — стёкла. А за каждым стеклом, с каждой стороны, были такие же дети, как я. В тот год была какая-то инфекционная болезнь. Что-то связанное с нервной системой детей. Можно сказать, эпидемия.

Помню, как еду нам давали, как зэкам, через маленькое окошко. По утрам была манка. Днём — картошка с каким-то рагу. Чувство голода постоянно преобладало.

Помню, как дети за стёклами рыдали навзрыд. Я шлёпал маленькой ладошкой по стеклу и просил не плакать, потому что уже начинала болеть голова от истошных криков с двух сторон. Я вставал, разговаривал, показывал своего плюшевого зайку — того самого из «Спокойной ночи, малыши». Дети очень боялись темноты, когда гас свет. Укутанные местными простынями, они лежали на сырых подушках. Сам помню ту первую ночь: моя была сырой не меньше.

В этой больнице что-то происходило. То, что я хотел бы вспомнить поминутно. Потому что по ночам по тёмным коридорам шли врач-мужчина и медсестра. Они светили фонарём в окна, выбирали детей. Часто те, кого выбирали, обратно не возвращались. Часто забирали тех, кто плакал, и я договаривался со своими соседями по стёклам не плакать или делать вид, что мы спим.

Как-то через три дня приехала мать. Ей меня показали через это стекло, передали книжку, фломастеры и связку бананов. Перед тем как отдать мне эти бананы, я попросил дать один мальчишке за стеной, который смотрел на них голодными глазами. Мать улыбнулась, оторвала банан, и ему передали.

Пятница была, я это прекрасно помню. Объялся я тех самых бананов. Съел сразу два. Мальчик стоял, шлёпал ладошкой по стеклу, отрывал кусочки и с набитыми щеками улыбался.

— Спасибо, — говорил он, и банан вываливался из его рта.

За три дня мы с ним подружились. Я его прекрасно помню: он такой тёмненький был, и глаза карие, только не как у меня — у него они совсем чёрные были.

Запомнил я его по другой причине. За ним пришли глубокой ночью. Я не спал, слушал шаги и слышал каталку. Тогда ещё была большая яркая луна, и её свет так неудачно падал в окна с нашей стороны. Его положили спящего на каталку и увезли.

Наутро у меня был уже новый сосед. На этот раз — девочка. Рыдала она, так звонко, что уши закладывало. Она ломилась в дверь в слезах, пока не уставала от собственного крика, падала на месте от истерики, засыпала на полчаса, вставала и рыдала снова.

В те стёкла теперь стучали все: даже из соседних палат, из коридора напротив. Успокоить её было невозможно, даже моим плюшевым зайкой. Пришлось показывать ей свои раскраски. Мы так и играли. Я спрашивал, каким цветом мне закрасить принцессу, и раскрашивал для неё. Жёлтая корона. Она хотела розовое платье. Но розового у меня не было. Помню, как аккуратно водил красным по рисунку: он как раз давал розовый оттенок, тем более фломастер заканчивался.

На вторую ночь после того, как она появилась, пришли и за мной. Все дети рассказывали ей, что нужно делать по ночам. Мы накрывали головы простынями и делали вид, что спим.

За мной пришли, но не как за остальными. Никаких каталок, никакого фонаря в окна. Только глухие шаги. Дверь открылась с засова. Ко мне подошёл врач и сказал:

— Артём, тебе пора. Пошли.

Странно. Мужчина был без маски, вроде как инфекционное отделение. Я надел шорты, майку и мокасины. Меня вывели и повели по длинному коридору. Точно помню поворот направо из палаты. В конце — распашные двери, затем вторые. Все дети всегда думали, что там, за вторыми дверями, после которых не возвращаются.

Меня завели в операционную с одной-единственной большой лампой и классической каталкой. Было два врача. Их внешность не важна: это были мужчины. Один в очках, второй молодой. Меня положили на стол. Сделали укол, потом в вену подключили капельницу, а затем затем один держал, а второй вставлял иглу мне в затылок.

Что это была за процедура, спустя почти двадцать лет я всё ещё задаю себе вопрос.

Очнулся я на каталке, уже в другой стерильной комнате. Меня успокаивали и говорили: — Тебя вылечили, всё хорошо. Про процедуру маме не говори и никому не рассказывай. Через несколько часов мама за тобой приедет, а пока посиди тут.

И я сидел. Смотрел на анатомический макет, в этой комнате.

Потом меня вывели и оставили на скамейке. Отвели к матери только через несколько часов. Помню, как я требовал вернуть мои фломастеры, моего зайку и мои раскраски. На выходе из больницы закатил истерику, что без зайца не уйду.

После всех уговоров мне вынесли только раскраску с той самой принцессой.

По пути домой я получил свой успокаивающий комикс с Черепашками-ниндзя и шрам на затылке, который спустя восемнадцать лет остался для меня загадкой.

Детский рисунок, который я хранил все эти годы, я вклеил в тетрадь «Расхождения».

Он был частью моей несостоявшейся памяти и подтверждением, что всё было правдой.

«Год третий»

Я перестал бегать по ночам. Сил не осталось. Работа высасывала дни, институт — вечера, а между ними — серая липкая усталость. Ложился в час, вставал в шесть, по кругу. Иногда казалось, что я сплю с открытыми глазами.

В тот год я впервые подумал: а может, это просто болезнь? Шизофрения, раздвоение личности — что-то, что лечится таблетками и покоем. Даже записался к врачу. Дошёл до двери, постоял с минуту, но развернулся и ушёл. Сказать кому-то вслух, признать, что я не справляюсь, — такого я себе позволить не мог. Я ж нормальный. Я ж мужчина. Я выведу.

«Четвёртый год. День П.»

21 декабря 2012 года.

Путь до работы занимал всего полчаса. Мелочь в рамках крупного мегаполиса. Я знаю десятки людей, которые проводят в дороге треть своей жизни.

Мне повезло.

На улице стояла зябкая погода. Люди покупали новогодние подарки и одновременно дожидались конца света. Я медленно брёл до офиса по московской слякоти.

Навстречу мне шёл коллега. Приятный молодой человек лет двадцати шести, укутанный шарфом по подбородок и неспешно растягивающий сигарету.

— Привет, Дим, с ночной смены?

— Бр-р-р, — пробурчал он. — Доброе утро, Тём. Покурим?

— Да, конечно. Я не тороплюсь.

— А ты это ты тоже, как все?

— В смысле?!

— Ну а как же. Все тётки в магазине с ума сходят. Нибиру летит, конец света ждут. Ей-богу, сумасшедшие.

На моём лице начала растягиваться придурковатая улыбка. Я всегда удивлялся человеческой глупости и невежеству. В голове мелькнула мысль: сегодня будет весело.

— Так конец света уже наступил, — отрезал я и с умным видом стал ждать его реакции.

— Как это наступил? Говорили же, что ну это в девять вечера же.

— А ты это Мурманску скажи.

Повисла нелёгкая пауза. Я видел, как мыслительные процессы в голове Димы начинают свой ход.

— А-а-а А-а-а-а-а

— Ахахаха.

Мы рассмеялись в унисон.

В это время за три тысячи километров на севере всюю шла метель. Была полярная ночь. На Северном флоте строем шли новобранцы — три километра на обед, напевая строевую песню: «Двенадцать месяцев зима, а остальное лето».

— Ох, Тём, ну ты как всегда. Рассмешил. Ну всё, почапал я. Высыпаться буду.

— Хорошо тебе отдохнуть.

16:37. Кредитный отдел. День шёл к логическому завершению.

Монитор Philips светился привычной таблицей. Ежедневный финансовый отчёт. Ячейки В34 и С34. Справа тихо играло радио «Сити FM». Диктор говорил тем самым бодрым голосом, каким обычно сообщают о запуске космического корабля, победе сборной или конце очередного кризиса.

Тогда я даже не поднял головы.

Мозг отметил услышанное как ещё одну строчку данных и сразу вернулся к отчёту. Цифры складывались, формулы работали, память не подводила. Я мог воспроизвести таблицу практически целиком, не глядя на экран.

Но сейчас...

Сейчас я понимал, что всё было иначе.

— ...Ну что, Настя, официально заявляю: до конца света осталось несколько часов.

— Прекрасно. А я как раз не успела заплатить кредит.

— Поздно. Банки переживут даже апокалипсис.

— Зато люди, кажется, решили подготовиться серьёзно. В магазинах снова сметают тушёнку, свечи, крупы и батарейки.

— Классика жанра. Календарь мая, Нибиру, вспышки на Солнце, смена полюсов...

— И ЦЕРН, конечно. Без ЦЕРНа конец света уже не тот.

— О да. Большой адронный коллайдер до сих пор обвиняют во всём подряд: чёрные дыры, порталы, параллельные вселенные...

— Некоторые всерьёз боялись, что Землю засосёт внутрь коллайдера.

— Но, как видим, первый пучок протонов благополучно прошёл кольцо, физики выдохнули, а человечество нашло новый повод для паники.

— И, судя по очередям за гречкой, повод людям понравился.

В книге утверждалось, что первый пучок протонов благополучно прошёл кольцо. Именно так и было написано.

А я помнил другую новость.

Другую дату.

Другую формулировку.

Я открыл тетрадь.

Сегодняшний день был обведён красным. Рядом — координаты.

Швейцария.

Женева.

Я долго смотрел на цифры. Они были мне знакомы. Слишком знакомы. От них в голове поднималось что-то тяжёлое, давно забытое. Будто я всё это время знал, что этот день наступит. Просто запрещал себе думать. Не грузился. Не паниковал. Жил так, словно ничего не происходит.

Но теперь данные перестали сходиться.

Я ведь точно помнил.

Десятое сентября

— А вчерашний день?

— Вчерашний день. Почему вчерашний день помечен как «День П»?

— Я смотрю, вы всё никак не уймётесь, — усмехнулся Семён Игоревич.

— Хотя выражение вашего лица говорит мне, что мой рассказ уже порядком вас утомил.

Он неожиданно взял меня за запястье, развернул ладонь вверх и большим пальцем медленно провёл по венам, словно проверял не пульс, а что-то совсем другое.

— Так почему День П?

Он отпустил руку.

— Всё просто. — Ненадолго помолчав. — Именно вчера всё пошло по пизде.

Глава 3 КАЛИБРОВКА НОСИТЕЛЯ

Вчерашним вечером я заснул только тогда, когда сил уже не оставалось. Перина давила к кровати, тело становилось тяжелее. Сон пришёл не как обычно. Это мерзкое чувство, когда голова ещё мыслит, но тело ты не контролируешь. Сонный паралич. В эти моменты ты чувствуешь, как дыхание замедляется и ты через силу пытаешься сделать вдох. Глаза закрыты, и перед тобой только мрак. Остаётся только ждать, когда ты отключишься до конца.

«Калибровка».

Я сразу понял: что-то не так. Голос раздался в темноте. Язык прижало к нёбу, рот наполнил солёный вкус. Я с трудом проглотил.

Часы на стене продолжали отсчитывать каждый свой шаг. За окном прошёл трамвай. А потом реальность словно застыла. Я хотел выдохнуть, но вдруг понял, что уже не дышу.

Пространство было тёмным. Я мотал головой в разные стороны, пытаюсь разглядеть хоть что-то. Тело налилось тяжестью и было покрыто чем-то вязким. Движения были скованны, словно меня придавило. Я пытался кричать, но как бы я ни пытался — из груди не выходило ни звука. В груди была пустота. Словно смерть.

Был ли я жив? Не знаю.

Чем дольше я всматривался, тем сильнее вглядывался во мрак. Потом понял: эта пустота принадлежит только мне. Это то, чем я полон.

Вы уже слышали такое: чем дольше ты вглядываешься в темноту, тем яростнее темнота начинает вглядываться в тебя. Но я был пуст, так же как и этот мрак. Мы равны.

Когда я понял это, тогда и увидел.

Я увидел этот взгляд.

Злой. Яростный. Требовательный.

Он начал требовать:

Вспомни.

Вспомни всех, кого ты потерял.

Вспомни, для чего ты здесь.

Для чего был проделан этот путь.

Удар.

Бум.

Бум

Бум

ВСПОМНИ

Внутри начало жечь. Комната пульсировала в такт ударам в моей груди.

Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее.

Бум

Бум

Яркие линии спиралей расходились по комнате от меня. Забирались в стены. Уходили куда-то глубже. Я начал различать силуэты. Силуэты собственной клетки.

Дальше, во мраке, сидел он.

Мой страж.

Чёрный. Древний.

Он сидел на собственном пьедестале и вглядывался, не делая движений.

Его взгляд загорелся синим светом. Он выглядел как древняя машина, созданная из базальта. От спины тянулись чёрные металлические провода и трубы. Спирали ДНК и неизвестные символы бежали по стенам, по этим трубам, становясь его частью.

— Калибровка, — раздался голос в темноте.

На языке появился солёный металлический привкус. Язык был тяжёлым. Мне с трудом удалось проглотить ком в горле. Было чувство, что я только учился говорить.

— Калибровка носителя, — прогудел голос в голове и ушах. Он был древним. Словно не имел возраста. — Конечная точка Леви.

Уши заложило гулом работающего мотора. Открыв глаза, я оказался в стальном помещении. Вдоль бортов сидели люди в военной форме. Они были измотаны — это видно сразу. Форма потрёпанная, латаная не в первый раз.

Один мужчина сидел в военной панамке, укутанный плащом. В руках — ржавая снайперская винтовка. Коренастый, невысокий, на глаз метр шестьдесят. Он откинул голову и нагло улыбнулся. В улыбке сверкнул золотой клык.

— Очнулся, салага?

— Не трогай его. Это его первый вылет.

Рыжеволосая девушка ковыряла планшет, не отводя взгляда. Тёмно-бордовый шарф прикрывал лицо. На руках — дырявые перчатки без пальцев. Наверняка так она спасалась от холода, но всё равно продолжала работать.

— Где мы?

Я судорожно держал автомат, явно не российского производства. Весь чёрный, с дополнительным отсеком под мини-ракетницу.

— Инструктаж через двадцать минут. Приготовься и уйми дрожь.

Рядом со мной сидел лысый мужчина лет тридцати пяти. Было чувство, что тут все носят бороды, кроме меня. У этого вояки борода была словно у викинга.

На плече — нашивка: щит, окружённый куполом. На щите лежал меч. Надпись я не смог разобрать.

— Тебе пора прекращать заботиться о пушечном мясе. Новички в восьмидесяти процентах случаев не выживают в первый боевой вылет.

Я понимал, что речь идёт обо мне.

Крепкий мужчина сидел напротив и подкидывал два ножа обеими руками. Глаза у него были разного цвета. Гетерохромия, подумал я. А может, он просто был слеп на один глаз. На плече виднелся белый череп, проткнутый ножом. Вторая половина нашивки уходила в тень.

— Занимайся своим взводом, а в наши дела не лезь.

— В ваши дела? Опять будете в потёмках воевать с тенями?

Он посмотрел на меня и одним движением кинул что-то из подсумка.

— Молодой, держи фонарик. Чтобы не обделаться в темноте.

— Не надо.

Я уже собирался кинуть его обратно.

— Оставь, — сказал лысый. — Хрен его знает, что нам может потребоваться.

— Леви, до высадки осталось двадцать минут, — сказала рыжеволосая девушка.

В открытую дверь смотрел крупный парень. Лицо не выглядело старым, но виски отдавали сединой. Рука была из чёрного металла. Он медленно перебирал пальцами по стальной стене.

— Ваша задача — найти частицу. Мы будем удерживать разлом. И запомни: жертвы уже не важны.

— Так точно, капитан.

Большая металлическая дверь вертолётки начала раскрываться.

На мгновение я закрыл глаза. В голове вспыхнуло: взвод — десять человек.

— Да пусть сияет! — крикнул мужчина с металлической рукой.

— Да пусть сияет! — ответил взвод.

— А вам удачи, чёртов звёздный десант. Увидимся на той стороне, Леви.

Мужчина убрал ножи в кобуру.

— Увидимся на той стороне, — ответил мужчина с металлической рукой.

Группа десантировалась один за другим.

Леви посмотрел на меня. В его глазах горел свет.

— Вспомни! — крикнул Леви.

От этого крика я снова оказался в своей чёрной клетке.

Комнату заполняла чёрная жидкость, и тогда мне дали произнести первые слова:

— Я не давал согласия.

Боль пришла резко. Такая острая, что тело отказалось шевелиться.

За мгновение тварь оказалась передо мной. Смотрела в упор.

«Загрузка».

— Помогите. Кто-нибудь.

Мой голос раздался эхом в древнем храме.

— Я здесь, чтобы помочь. Вспомни.

Собрав остатки силы и ярости, я нанёс удар.

Через мгновение я сидел на кровати и держал себя за руку, отбитую о бетонную стену.

Я не знал, почему мои движения казались мне такими верными. Если я никогда не учился так действовать.

В сознании родились слова.

— Тебя никто не учил, — сказал Леви.

Я вздрогнул, словно кто-то стоял рядом. Но рядом никого не было.

— Но ты всё равно знаешь, — продолжал голос внутри меня. — Это именно то, чего ты боялся. Это то, что ты пытаешься вспомнить.

Я молчал, глядя в темноту. По телу бежали мурашки, волосы были словно наэлектризованы, а дыра в груди не затягивалась.

«Что я потерял?»

Почему так тошно, звучала мысль в голове.

И тогда я увидел то, чего раньше не было.

Сон оставил мне вопросы, а на руке осталась отметина.

Ключ моих кошмаров.

Осталось найти только дверь.

Рывок. Вдох. Веки распахнулись.

Я открыл глаза.

Тело отказывалось слушаться. Мизинец и безымянный палец на правой руке не сгибались. Через несколько минут я стоял на балконе и хватал ночной зимний воздух.

Голову забило мыслями:

Почему я не такой? Почему всё, что для других естественно, мне приходится собирать по кускам? Я не знаю, когда это началось. Может, всегда был таким. Может, сломался где-то по дороге. Люди смеются.

Злятся.

Любят.

Теряют.

А я сначала пытаюсь понять, что должен почувствовать. И только потом чувствую. Иногда слишком поздно. Иногда вообще ничего. Снаружи это выглядит как безразличие.

Но внутри...

Внутри никогда не бывает тихо.

Там всё время кто-то кричит.

Встать.

Сделать.

Исправить.

Только мир не слышит крик.
Мир замечает поступки.
Поэтому молчат все.
И я тоже.
Не потому, что нечего сказать.
Потому что я так и не научился говорить так, чтобы меня услышали.
Наверное, поэтому одиночество и становится привычкой.
Когда слишком долго разговариваешь только с собой.
Чьи мысли были у меня в голове? Я обернулся на полупустую квартиру.
Всё было на месте. Кроме меня.

Глава 4 ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Утро 22 декабря 2012 года.

Телефон завибрировал. Какое животное звонит в девять утра в субботу?

Номер неизвестен. Я замер, отвечать мне явно не хотелось. Такие звонки по утрам стоит игнорировать, они не несут ничего полезного, с такой мыслью я смотрел на телефон. Но палец сам махнул: принять.

Конечно. Когда у тебя на руке появляется непонятная хрень, а мир на семь секунд перестаёт работать, самое разумное — поговорить с неизвестным номером.

— Да.

— Артём Соболев?

— Ну допустим. А вы?

— Нам нужно встретиться. Таганская. В десять вечера.

— С какого перепугу?

— У меня есть ответ на то, что вы ищете уже четыре года. Расхождения. Их становится больше.

Во время этого разговора я стоял и курил на балконе. Под окнами две вороны с любопытством ковыряли мусорку. Вот они, падальщики во фраках, подумал я.

Я вошёл в заведение на Таганской ровно в десять, по адресу, который пришёл мне через СМС. Войдя, колокольчик зазвенел, бариста меня поприветствовал, я сразу проследовал к человеку, который сидел один у окна. По нему сразу было видно: мой клиент. Он сидел за овальным столиком. Чёрный костюм-тройка, расстёгнутый пиджак. Седая голова, а усы с бородой были так чётко выверены, словно после барбершопа.

— Вот он, падальщик, как те две хитрые вороны, которые рвали пакеты в поисках тухля

— Прекратите! — Папка резко закрылась. — Не заигрывайте со мной, молодой человек.

Семён смотрел прямо. Оценивал. Это раздражает меня больше всего в таких, как он, — очередной клоун в погонах с сомнительным прошлым, который сейчас мне расскажет, как правильно и чего нельзя делать. Я хотел огрызнуться. Хотел сказать что-то колкое, чтобы сбить с него спесь напыщенной правильности. Но вместо этого просто выдохнул и улыбнулся той кривой улыбкой, которая всегда работала.

— А что ж не позаигрывать? Вы уже час играете на моих скелетах в шкафу, как на ксилофоне.

Чуть приоткрыв рот, господин напротив прищурился, оценивая. Лицо выдавало лёгкие признаки злобы. Он выдохнул.

— Меня зовут Семён Игоревич.

— Артём Соболев, друзья называют Соболю.

Семён выглядел так, будто сейчас достанет папку, печать и объяснит мне, почему конец света в моей голове оформлен неправильно.

— Вы не первый, кто с этим столкнулся, да и с ума вы не сходите, — сказал он без предисловий. — Запомните это сразу.

— Вот тут спасибо. Сразу полегчало. Обычно чтобы получить диагноз надо хотя бы очередь в поликлинике отстоять. Кто вы такой? — Я отвёл взгляд к окну.

— Психотерапевт? Или это у вас корпоративное приветствие?

— Артём, как думаешь, почему мир не такой, каким ты его помнишь?

— И сейчас должна появиться брошюра. — Я смотрел на этого седого мужика с презрением. — Семён, что тебе нужно?

Семён прищурился, открыл папку и начал делать пометки.

— Что вы пишете?

— К субординации неприучен.

— Субординации? Я не в армии и тем более не на работе. Это вы мне позвонили. Значит вам от меня что-то нужно. Если от тебя что-то нужно, диалог должен быть построен либо на равных, либо с позиции силы. Осталось понять, чего вы от меня хотите.

— Моё предложение зависит от твоих ответов, молодой человек. Итак. Почему мир не такой?

— Потому что миру свойственно меняться. Информацию стирают, подменяют, как в учебниках истории. У каждого своя правда — зависит от того, кто победил, кто напечатал тираж и у кого доступ к архивам.

Я хотел усмехнуться, но не получилось.

Семён смотрел прямо. Оценивал. И именно это раздражало сильнее всего. Угрожающий человек хотя бы честен. А спокойный человек в белой рубашке — это уже государственная программа.

— В мире есть вещи, о которых вы не знаете. А вы, вы очень странный человек. Я бы сказал аномалия.

Он не закончил. И не надо было.

— И что вы предлагаете?

— Скоро вам понадобится защита. Это первое. Также я готов дать вам информацию.

— Информацию?

— Да. Можете отказаться. Тогда останетесь с этим один.

Он выдержал паузу.

— Но люди в таком состоянии долго не живут.

— Звучит как угроза. Но красиво упакованная.

Семён даже не моргнул.

— Мы разработали систему и она выбрала вас. Вы один из сотен других.

— Ну давайте, рассказывайте. За спрос не бьют. Хотя, судя по вашей интонации, у вас и на это есть отдельный отдел.

Он начал говорить про расхождения, некоторые уже давно таились в моей тетради. Некоторые я слышал впервые. Действительно, я не мог замечать всего что происходит.

Я резко наклонился вперёд, схватив его за запястье.

Семён дёрнулся, но руку не вырвал.

— Что вы делаете?

— Мужик, это какой-то бред. Я слышал про эту херню. «Порог». Какой-то учёный его создал. В интернете полно статей. Люди пропадают, и это всё они. Покажите руку. У них у всех татуировка.

Семён медленно закатал рукав.

Чисто.

— Я не полевой. Администратор.

— Конечно. Самые опасные люди обычно так и говорят.

Я отпустил его руку.

— Проверку прошли. Но сути это не меняет.

Я смотрел за его плечо. Туда, где за стеклом текла равнодушная московская жизнь: машины, мокрый асфальт, люди укутанные, прячущие лица от зимнего ветра. Обычная цивилизация, которая всегда делает вид, что завтра будет таким же, как вчера.

Очень удобная ложь. На ней вообще многое держится.

— Я не до конца понимаю, под что подписываюсь.

— Как давно вы начали замечать? — Семён наклонился ближе. — Это важно.

Я тяжело вздохнул.

— Если серьёзно — четыре года. Мелочи. Монополия, Элвис, станция метро, которая выглядит иначе. Такое легко объяснить. Мозг врёт. Память врёт. Интернет врёт. Государство врёт. Люди вообще любят врать, особенно когда сами себе верят. Но меня это не сильно беспокоит.

— Мы — «Заслон».

Я встрепнулся.

Название повисло в воздухе.

Конечно. А кто ещё?

В этой стране, если у тебя рухнет жизнь, обязательно найдётся структура с красивым названием, серым кабинетом и человеком, который расскажет как тебе правильно жить: всё под контролем. Особенно то, что уже давно вышло из-под контроля.

— «Заслон», — повторил он. — Мы ищем людей, которые замечают эти расхождения. Аномалии.

— Много нашли?

— В основном случайные совпадения. Забытые сны. Но есть другие. Один учёный. Он видел будущее. Вы — такой же.

— Что значит «видел»?

— Мы пока не знаем. Поэтому вы нам нужны все. Чем больше людей, тем больше данных. «Порог» сделал расчёт. Сейчас он неутешительный.

Я думал

— Семён, я не учёный. Я считаю чужие долги.

— Вы замечаете то, чего не замечают другие. Этого достаточно. Остальному научим.

— И чему вы меня собрались учить?

Семён едва заметно усмехнулся уголком губ.

— Военная и ментальная подготовка. Нейтрализация угроз.

— А платить будут?

— Нет.

— Ну тогда до свидания. Даже конец света у вас на энтузиазме.

— Чинить можно то, что сломано. Мы стабилизируем. Сдерживаем. Убираем лишнее.

Иногда помогаем тем, кто оказался по ту сторону. Иногда изолируем. А иногда

Он посмотрел прямо на меня.

— Нейтрализуем угрозу, которая через них пытается войти.

Белый прямоугольник бумаги лёг на стол. На нём номер телефона.

Минимализм. Бюрократия всегда любила короткие формы. Особенно когда за ними прячется что-то, после чего исчезают люди.

— Двадцать четыре часа, — сказал Семён. — Сначала нам нужно проверить вашу правду, а дальше мы идём с вами или без вас.

Он собрался уходить, но взгляд вдруг зацепился за след на тыльной стороне руки. На которой проступал бледный узор.

Лицо Семёна впервые дрогнуло.

— Что вы сделали? — спросил он тише. Будто боялся ответа.

— Не знаю, о чём вы.

Я машинально прикрыл руку.

— Артём, — сказал он настороженно. — Мы давно вас искали. «Порог» засёк две сигнатуры. Одну — здесь, в Москве. От вас. Вторую — в Андаманском море, у побережья Таиланда. Сигнал пропал до того, как мы определили точное расположение. Этот узор — может быть частью пазла. Он наклонился через стол. Семён впервые посмотрел не как администратор.

— Что. Вы. Сделали?

По спине скатилась капля пота, как будто я прохожу полиграф и получил вопрос, который звучал как приговор.

Тяжёлый воздух вышел из моей груди.

— Не знаю, блядь. Ко мне приходят чужие воспоминания. — начал я.

Семён замер. Сомнение ушло с лица. «Он говорит правду» Мелькнуло в его голове.

— Я вижу мир, которого нет. Уничтоженный. Слышу крики людей, которых никогда не знал, на базе, затерянной во льдах. Нас так мало осталось И я должен что-то сделать. Исправить. Но не знаю, что. Кошмар, в общем. Но

Голос сорвался.

— Сегодня сон был другим. Он был слишком живой. Не обрывками. Запах пороха приводил в сознание, металл на языке. Я сидел и вдруг вспомнил, как отдавал приказ на эвакуацию. Смотрел на экран с картой Тихого океана, и там, у побережья что-то просыпалось. Древнее. Во сне было чувство, что мы не справляемся и я попросил о помощи. В голове. Будто послал сигнал. Предупреждение. Я

Я приложил пальцы к вискам, что-то резко кольнуло.

— Не уверен, что это был я. Но решение моё.

Семён слушал молча, но следил за каждым жестом.

— Мрак, — прошептал я. — Он движется к нам. Сквозь что-то не отсюда. Оно смотрит внутрь меня. Ищет.

Мы замолчали. Только звук кофемашины мерзко дребезжал.

Мир, возможно, уже пошёл по швам, но капучино должен быть готов по расписанию.

— Значит война уже началась, — медленно выдохнул Семён. — Послушай, мальчик. Если ты говоришь правду. Ты не только видишь расхождения. Ты их создаёшь. Или тянешь за собой шлейф из другого «сейчас». Сигнал в Таиланд — это маяк. Твой. И мрак, как ты его называешь, теперь знает не только о том мире, но и об этом.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Оно идёт за сигналом. Оно идёт за тобой.

Я молчал.

— Если «Порог» прав, а он ещё не ошибался. Ты и катализатор и мишень одновременно. — Семён продолжал говорить, внимательно смотря на мою руку. — Значит вы при — Колокольчик двери издал свой звон. В заведение зашёл мужчина. Сделав шаг, он задел вешалку.

Я смотрел на Семёна и звуки выпадали один за другим. Улица стихла. Кофемашина замолчала, лишь звук льющегося кофе на пол. Вешалка упала, но звук не издала.

Губы Семёна двигались, но голоса не было. Метка на руке, заныла резкой болью.

Все звуки исчезли, лишь льющийся кофе на пол и мой неровный пульс горле. В стопах пробежало покалывание.

Я медленно огляделся.

Бариста у стойки — с тряпкой в руке. Не двигается. Посетитель у стены застыл с телефоном у лица. Женщина за стеклом, на улице, остановилась с пакетом.

Мир замер, словно из него убрали всё лишнее.

Мужчина у двери медленно опускал телефон.

Лицо обычное. Мужчина лет сорока. Куртка, шарф, усталые глаза после смены.

Но глаза были не усталыми. - Пустыми.

Не как у мертвеца. Смерть я бы понял. Смерть, как ни странно, честная штука. Здесь было другое: из человека убрали всё лишнее и оставили только задачу.

— Семён, — сказал я тихо. — Что это?

Он тоже смотрел на мужчину. Рука ушла под пиджак.

— Не смотрите ему в глаза.

— Кому?

Мужчина повернул голову ко мне.

Слишком ровно. Без задержки. Без того маленького движения шеи: сначала подумать, потом посмотреть.

Он просто перевёл взгляд.

Как камера.

И тогда я почувствовал.

Холод прошёл по коже изнутри. Будто под ладонью, где проступал знак, кто-то провёл сухим металлическим пальцем.

Не больно. Хуже. Узнаваемо. Тело отреагировало, словно в него загрузили новые данные. Ладонь замерла, сжалась в кулак. На секунду мне показалось: Пальцы больше не мои. Тело отреагировало моментально, я вскочил с места.

— Да уж Семён, странные у вас попутчики. Это ваши менеджеры по продажам? Прямо хочется остаться и взять ипотеку.

Мужчина у стены произнёс:

— Носитель.

Речь была не похожа на человеческую. Словно человек булькает гортанью и пытается произнести что-то понятное в первый раз.

Семён напрягся, рука ушла за пиджак. На лице было негодование.

Человек с телефоном сорвался с места и в несколько шагов подлетел к нам, протягивая свои руки.

— Не смотри ему в глаза, — крикнул Семён.

— Не очень то и хотелось. — Огрызнулся я.

Мужчина всцепился руками в мои плечи. В голове всплыл, старый приём, я его не использовал десять лет. Я удерживал его плечо, раскрытый рот брызжал слюнями. Второй рукой за рукав.

Шаг назад.

На себя.

Юкка, Бросок который я тренировал на Дзю-до месяцами. Именно за этот приём меня наградили зелёным поясом. Завалиться на спину как колесо, ногой в грудь. Если руки на отпустить – два очка. Если отпустить, - полет в стратосферу. Лишние балы мне тут не нужны. Толчок ногой лежа на спине, собрать всю энергию тела. Полёт нормальный. Мужчина пролетел метра три. Шкаф с посудой разлетелся со звоном битого стекла.

Я лишь успел поднять голову, бариста тоже был не в себе, его лицо исказилось в мерзкой гримасе, словно что-то заползло к нему под кожу. — Немедленно уходим, воскликнул Семён Игоревич.

Два хлопка от пистолета, заложили уши. Семён врал. Он был администратором, но с явным опытом военной подготовки. Тело баристы опрокинулось назад, но осталось на ногах, из груди проступали два красным пятна. — Почему он не падает? Мое тело машинально вскочило на ноги.

— Потому что, он больше не человек.

— У вас какой-то неправильный конец света.

Семён отчаянно собирал документы, папка была открыта. Я увидел торчащее досье, фамилия Каннингем.

— Кто они такие?

Семён направил пистолет на проходящего в себя мужчину. — Нужно уходить, это рой. — Мне достаточно было нескольких секунд, чтобы Семён отвлекся. Папка с документами упала в мою сумку вместе с собственной тетрадью.

— Спасибо вам за отличную презентацию, мы вам обязательно перезвоним. — Ударом ноги, я открыл запасную дверь за спиной. — Не забудьте про баристу. Мне кажется он собирается приготовить вам кофе.

— Чёртов малец, — крикнул Семён. Два выстрела.

Я обернулся посмотреть, на закрывающуюся дверь. В проёме — мужчина с простреленной грудью. За ним бариста. За ним женщина с пакетом.

Они смотрели туда, куда я бежал.

Ноги несли меня прочь. Глаза хватались за беглые взгляды. — Не останавливайся, голос звучал в голове. — Заткнись.

Прохожий рядом обернулся:

— Чего?

— Не вам.

Я пошёл быстрее.

Москва шумела вокруг, будто ничего не случилось. Кто-то смеялся у ларька. Кто-то ругался в телефон. На улице пахло выпечкой, бензином от проезжающих машин и мокрым асфальтом.

Город жил.

Город всегда живёт, пока в ночной Москве кого-то разбирают на части.

В нескольких точках квартала люди одновременно повернули головы туда, куда шёл я.

И тогда я понял: Семён был прав только в одном.

Двадцати четырёх часов у меня больше не было.

Всё, что нужно сейчас, — затеряться. В этой толпе. Пара станций. Авиамоторная. Дворами до Лефортово. Старый кирпичный дом. Съёмная квартира. Третий этаж Пешком. Добежал быстро. Дверной замок.

Щёлк

Щёлк

Щёлк.

Три поворота. Облокотился о дверь. Ноги дали слабину. Скатился.

— Что это было, чёрт возьми. Информация. Нужна информация.

Он сказал, что я не первый. Досье. Проверь досье. Руки дернулись к рюкзаку. Открыл: Соболев. Каннингем. Окомото. Талл.

Талл

Фамилия казалась знакомой. Не из жизни. Из шума вокруг «Порога».

Ноутбук гудел. В поисковой строке горело: «Талл. ЦЕРН. Физик. 2008»

Результаты скудные до подозрительности. Сухое упоминание в списках персонала. Две ссылки на статьи о «статистических аномалиях» в журналах, которые никто не читает. Ни фотографий. Ни биографии. Ни соцсетей. На третьей странице всплыло имя: **Marcus Thall**.

Маркус Талл.

Человек-призрак.

Пальцы сами выбили в строке: **«10 сентября 2008 аномалия сектор 34 коллайдер остановка»**.

Я нашёл информацию. Не в новостях — в старой ветке форума, заросшей цифровой плесенью, с последним сообщением в начале 2012 года. Пользователь «CERN_whistle» выложил сканы — мутные, снятые на телефон с экрана. Внутренний меморандум ЦЕРНа от 19 сентября 2008-го.

В графе «Ответственный за диагностику» приписка: **M. Thall**.

А рядом — рукописная пометка, нервным почерком

«Расхождение 8.4σ. Первичные данные не совпадают с симуляциями. Калибровка? Или артефакт иного порядка?»

Я бросил взгляд на досье. Ниже под фотографией — таким же почерком, казённым: **«Создать комиссию. Гриф Эхо"».**

Эхо.

Слово ударило в виски в такт пульсу.

Талл видел первичные данные, которые потом «подогнали» под ожидания. Он видел аномалию.

Я распечатал скан, сунул листок во внутренний карман, рядом с визиткой Семёна. Собрал вещи, документы. В груди плескалась ледяная смесь: триумфа и страха. Талл что-то нашёл. И задал вопрос, за который людей стирают.

Потянулся за портфелем — замер.

Взгляд.

Досье на столе. Каннингем.

Отодвинул листы, фотография, надпись Лика.

ДОСЬЕ LK-17

ОСОБО СЕКРЕТНО

1. БАЗОВЫЕ ДАННЫЕ

Полное имя: Элизабет Александра Каннингем

Используемое имя: Лика

Возраст на момент исчезновения: 22 года

Дата рождения: 14.03.1990

Группа крови: B Rh

Гражданство: Великобритания / ЕС

Социальный статус: медицинский оператор SIGMA

Место рождения: Манчестер, Великобритания

Дата исчезновения: октябрь 2012

Место исчезновения: неизвестно

2. ВНЕШНОСТЬ

Рост: 168 см

Телосложение: стройное

Цвет волос: светло-каштановый

Цвет глаз: голубой

Особые приметы:

веснушки на носу и щеках;

шрам 1,5 см на левом запястье;

родинка на шее справа.

3. ФОТОГРАФИИ

Дата: май 2012

Статус: последняя известная фотография

Источник: камера наблюдения, Лондон

Дополнительная фиксация:

17.10.2012, 19:42:31

Камера: САМ 07

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ

Эмпатическая устойчивость высокая.

Рациональна, независима.

Не поддаётся полному алгоритмическому мониторингу.

5. СВЯЗЬ С ПРОЕКТОМ «ПОРОГ»

Оператор медицинского блока SIGMA.

Доступ к ограниченным зонам.

Подозрение на контакт с Артёмом Соболевым.

6. СТАТУС

Пропала без вести.

Вероятность жива: неизвестна.

На отдельной записке красными чернилами:

Пропала в октябре 2012 года.

— Нет. НЕТ! НЕТ! НЕТ! Не может этого быть.

Телефон запищал. Сообщение, неизвестный номер: Соверши паломничество по тропам памяти.

Глава 5 ПАЛОМНИЧЕСТВО

Лица

Старая библиотека пахла пылью и сыростью. Слишком много окон. Старые батареи не справлялись с нагрузкой. Сырые деревянные перегородки окон и каждый проход между стеллажами – как коридор для расстрела.

Ночное сообщение: «*Начни паломничество*» вело сюда. Значит, здесь кто-то должен быть. Я зашла с чёрного хода, как учили, и прошла вдоль стеллажей, касаясь пальцами корешков. Проверяла: нет ли закладок, не сдвинут ли том с места. Ничего.

Паломничество. Чавин. Spirit Cave. Сообщение из СМС.

Раздел археологии находился в дальнем крыле библиотеки. Пыль на стеллажах говорила: посетителей тут почти не бывало. В самом конце, у стены, за разделом истории Древнего Востока, тянулись узкие полки с потёртыми корешками.

Я забрала книгу с полки. Бумага, которую слишком долго никто не трогал руками:

«**Археология двадцатого века**»: экспедиционные отчёты, каталоги раскопок, карты погребений, книги, которые годами ждали не читателя, а человека, которому действительно нужно было что-то найти.

Я выбрала дальний стол — у стены, чтобы контролировать вход и выход. Положила папку и встала так, чтобы видеть отражение в стекле книжного шкафа. Пустой зал молчал, но я всё равно несколько секунд смотрела в глубину проходов между стеллажами, прежде чем открыть книгу. Страницы были исписаны чужими заметками, датами и короткими пометками на полях. Первой шла запись: **1919, Чавин-де-Уантар**. Подземный храм. Огромный каменный монолит высотой почти четыре с половиной метра. На камне высечена фигура антропоморфного божества с клыками ягуара и змеями вместо волос. Рядом, неровным карандашом: «*Не идол. Не изображение. Узел входа. Камень стоит не в храме — храм построен вокруг него*».

Ниже была вклеена выцветшая карточка с другим номером: **1903, KV20, Долина царей**. При расчистке гробницы Говард Картер обнаружил известняковые плиты с фрагментами Амдуата. Официально — ранняя версия погребального текста о ночном пути солнечного бога через Дуат. Неофициально — один из фрагментов седьмого часа содержал искажённое изображение змея, перекрывающего путь солнечной ладье. В разделе Египта оказалось меньше страниц, чем я ожидала: пара общих альбомов, каталог Британского музея, потрёпанный том по Долине царей и тяжёлая книга с выцветшим корешком: «**Амдуат. Ранние фрагменты KV20/KV38**». Я открыла указатель. **Апер. Aporhis. Seventh Hour**. Страница была заложена старой библиотечной карточкой. На полях кто-то написал: «*Он не пожирает солнце. Он останавливает путь*».

Последняя запись была сделана уже другими чернилами: **1917, Вавилон. Раскопки Кольдевея**. Официально — расчистка города Навуходоносора: Иштарские ворота, дорога процессий, Эсагила, район зиккурата Этеменанки. Неофициально — среди архивных материалов по храму Мардука нашли копию ритуального текста, сверенного с ниневийскими табличками «**Энума Элиш**». Сбоку стояла короткая пометка: «*Тиамат не была побеждена. Её удержали в форме мира. Если удержание нарушено — структура возвращается в воду*».

— Маркус, что ты хотел мне сказать

Блик отражения ударил по глазам, я не заметила, как он подошёл со спины. Высокий, широкоплечий, крепкая волевая челюсть, словно у боксёра. Карие глаза выдавали усталость. Почему он так пристально смотрит?

Артём

Паломничество. Слово то какое подобрали. Досье, кто все эти люди? Координаты, библиотеки. Книга. Неудачное время чтобы изучать историю. Маркус Он в Женеве? Сначала книга. Нужно проверить.

Старосадский переулок. Библиотека у Китай-города. Я тихо просочился внутрь, как незваный гость. Не бываю я в таких местах. Слишком выделяюсь на общем фоне. Выгляжу так, словно вошёл не в ту дверь. Глаза побежали по пустому помещению.

Сначала заметил лишь движение — слишком выверенное для случайного человека. Она остановилась у дальнего стола, положила папку и замерла, словно кого-то искала. Поймал себя на том, что слишком явно на неё смотрю.

Она была невысокой, худой, собранной — будто тело давно научилось не тратить силы впустую. Ни одного лишнего движения. Ни одного случайного жеста. Свет из окна лёг на лицо под углом, и я впервые увидел глаза. Серые, с голубыми нотками. Холодные, но не пустые. Такие глаза сразу ставят тебя на место.

Девушка подняла руку и устало провела пальцами по переносице, как будто не понимает, для чего она сюда пришла. На секунду в стекле напротив мелькнуло отражение — и я заметил, как дрогнуло веко.

Она закрыла книгу. Сказала, не поднимая головы:

— Вы так смотрите, будто я у вас что-то украла.

Отводить лицо было глупо. Уже заметила.

— А как же сердечко?! — я улыбнулся.

Девушка нахмурила брови и осуждающе выдавила:

— Ты ж мамино разочарование. И часто такое работает?

— Иногда.

— Мне такое не нравится.

Выдохнул.

— Извините.

Она изучала меня, задумавшись. Глубже, чем обычно позволяют себе незнакомые люди.

— Не стойте за спиной. Я этого не люблю.

— Любите исторические книги? — Я неловко сел напротив. Лишь стеклянная перегородка разделяла нас, с небольшой щелью под стеклом.

— Нет, больше люблю биологию. Эта книга нужна мне по работе.

— Вы здесь часто?

— Я здесь случайно.

Она чуть прищурилась. И вот тут я впервые почувствовал сбой. Вопросы один за другим всплывали в моей голове.

— Странно.

— Что именно?

— Мне как раз нужна была именно эта книга.

Она поправила очки. Нехотя пододвинула книгу ко мне.

— У меня хорошая память на лица. — Она склонила голову. — Ваше лицо кажется мне очень знакомым.

Внутри что-то ёкнуло.

— Удобно — пробормотал я. — Но я чувствовал то же самое. — И как, часто работает?

Ухмылка не спадала.

Она не улыбнулась. Только смотрела. Слишком внимательно. Потом протянула руку через стол. Простой вежливый жест.

— Лика Каннингем.

Я понимал, что у неё другой цвет глаз. Другой цвет волос. Совсем не как в моей памяти. Но такая живая и настоящая.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Я взял себя в руки. — Но мне кажется, я вас уже где-то видел.

Я пожал её руку. Такая тёплая, такая живая. Я пожал её руку. Тёплая. Живая. Встреча с Семёном научила меня проверять пульс: я прислонил указательный палец к её запястью. Быстрый, но ровный. Она чего-то боится?

— Артём.

Она не отпустила сразу. Всего на мгновение дольше, чем принято. Я заметил. Она тоже.

— Вы правда здесь случайно?

Она задумалась на секунду и едва заметно улыбнулась.

— Боюсь, мы оба уже немного опоздали для случайностей.

— Значит ты тоже

Она достала телефон и показала сообщение с адресом.

— Ты работаешь на этого странного мужика, правильно я понимаю?

— Если ты о Модераторе — и да, и нет. Что тебе известно?

— Ты работаешь на «Заслон»?

— Я была медперсоналом. Сбежала два месяца назад. А сегодня пришло это сообщение.

Начни паломничество

— По тропам памяти, — не дал я ей закончить.

— Такое мог сделать только «Порог». Значит, ты и есть московская аномалия?

— Прости, я до сих пор не понимаю, что это значит.

— Нам надо уходить. Поговорим в другом месте. Уходим быстро и по одному.

— Я за тобой.

Она ушла слишком быстро, словно человек, который давно привык скрываться. Убрала книгу в сумку, отвела взгляд на выход и жестом руки за спиной позвала за собой. Я выждал три секунды и направился за ней вслед. Когда я вышел, её уже не было в коридоре. Сама интуиция повела меня к чёрному входу. За секунду я почувствовал слабый внутренний сдвиг, всё моё существо знало, куда мне следует идти. Колесо сансары сделало свой оборот.

На лестнице я догнал её у самого выхода. Лица уже натягивала капюшон. Услышала шаги, обернулась.

— И часто ты провожаешь незнакомых девушек?

— Только тех, кто мне нравится.

Она смотрела ещё секунду. Оценивая, взвешивая. Потом коротко выдохнула:

— Местами ты ведёшь себя как альтернативно одарённый.

— Извини, я волнуюсь. Давно не разговаривал с девушками.

— Я бы не сказала, что доверяю тебе.

— У меня папка модератора с собой. Умыкнул её вчера. Ты знаешь, что это за записи?

— Выхода нет, поедем ко мне. Там безопасно. Покажешь что у тебя есть.

Я кивнул — она ещё не знала, что много лет я искал её в каждой женщине, которая встречалась мне на жизненном пути.

Мы почти не разговаривали до метро.

Улица была влажной после мороси. Фонари давали жёлтые размытые пятна на асфальте. Машины шли редким потоком. Мы спустились в переход. Тёплый подземный воздух ударил в лицо. Лица шла быстро. Слишком быстро для спокойного человека. Я держался на полшага сзади. На эскалаторе она обернулась.

— Ты всегда так плетёшься сзади? Мне надоедает постоянно оглядываться. Иди рядом.

— Э-э-э Мне нравится вид сзади.

Она хмыкнула, но шаг чуть замедлила.

— «Порог» издевается. Он что, отправил меня на свидание с идиотом?

Отлично. Пусть думает об этом.

Я смотрел не на неё. В отражении витрины за нами двигался человек в сером пальто. Двадцать метров. Та же скорость. Те же остановки. Пустое лицо.

Я ускорился.

— Не отходи. В сторону. За нами следят.

Я взял её за руку.

— Сначала направо.

— Но нам в другую

— Это неважно.

Поезд пришёл почти сразу. Вагон полупустой — поздний час.

— Человек в сером пальто, за нами в двадцать метрах. Приготовься.

Когда двери разъехались, я шагнул первым и встал у проёма, плечом к потоку. Лица проскользнула за мной. Такая лёгкая, почти бесшумная.

Двери начали сходиться.

— На выход.

Лица оступилась. Совсем чуть-чуть.

Я поймал её за предплечье. Тёплая кожа. Быстрый пульс.

Она замерла на долю секунды — слишком близко. Подняла глаза.

В них мелькнуло смущение. Очень короткое. Почти незаметное.

Мужчина с пустыми глазами смотрел сквозь стекло закрывшихся соседних дверей.

— Не знаю, кто это, но теперь они знают твоё лицо. Как ты?

— Я нормально.

Лица не сразу отпустила мою руку, только через секунду.

— Извини, — тихо сказала она.

Я отпустил.

— Поезд виноват.

Уголок её губ дёрнулся. Едва.

— Как ты его заметил?

Я уже тянул её за руку в поезд на соседней стороне.

— Не останавливайся. Это происходит последние двадцать четыре часа.

Я снял перчатку, закатал рукав и показал отметину.

— Семён сказал, что это Рой.

— Ты издеваешься? Рой в Москве?

— Что это?

— Это чёртова аномалия, люди становятся куклами. Это именно то, что Заслон пытается исследовать по всей земле. Что-то или кто-то берёт людей под контроль, а затем, от них ничего не остаётся.

Теперь уже она тянула меня за руку в вагон.

— Уходим!

Прошло полчаса. Полчаса спокойствия.

Её станция.

Мы вышли вместе. На поверхности воздух был чище. Дворы — тише. Район старый, спальный. Пятиэтажки, редкие окна с жёлтым светом.

— Далеко?

— Нет.

Она помедлила.

— Пойдём.

Подъезд встретил нас старым кодовым замком с потертыми кнопками, запахом старой краски отваливающийся от побитых перил покрытых пылью. Торопливо по лестнице. Не далеко. Второй этаж.

Ли́ка открывала дверь быстро. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Три замка.
Только потом выдохнула.

— Заходи.

— Правда можно?

— Заваливайся, я тебе говорю. Нам нужно поговорить, это обоим нас касается.

Квартира была старой: потёртый паркет, отклеивающиеся обои, вешалка с двумя живыми крючками из пяти. Этому дому явно не хватало мужской руки.

Свет в комнате был тёплым, — настольная лампа у дивана и тусклая люстра под потолком нервно издавала короткие блики. В воздухе висела смесь кофе, старых книг и ацетона. На спинке деревянного стула висела куртка с символикой спирали. Совсем как в досье, знак Сигмы. На столе — кружка с недопитым мятным чаем.

Я сразу понял: она действительно здесь живёт. И давно живёт настороже. Стирает отпечатки?

Ли́ка прошла к окну, отодвинула штору на два сантиметра, проверила двор. Только потом повернулась ко мне. Усталость наконец проступила в лице.

— Ты хотел спросить.

Я кивнул.

— Ты тоже сбежала от «Заслона».

Она закрыла глаза на секунду.

— Да.

Её тело напряглось, плечи приподнялись, словно вспоминает что-то неприятное.

— Потому что видела, что стало с предыдущими.

Тишина в комнате стала гуще. Я слышал как она дышит.

— Я хочу понять. Что значит паломничество?

Ли́ка медленно наклонилась. Голос стал глухим:

— «Лавина». Я была там. Медиком. Скоро новая фаза испытаний. Люди с третьей отрицательной кровью. Сьюзан и Петер

— Окомото?

— Верно

— Она мертва?

— Хуже. Списали.

Списали. Я повторил это про себя и понял: в «Заслоне» так говорят не про документы.

— Её синхронизация Валькирией сорвалась. Формально жива фактически — в гистерии.

Я сжал челюсть. Какая к чёрту валькирия?

— А Петер?

Вот тут её пробило. Она резко отвернулась к окну. Руки вцепились в подоконник.

— Мы мы называем их Валькирии. Эта технология. Она, она не отсюда.

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю, что её не должно быть здесь. Не люди её создали. Мы всего лишь её нашли и Мы те, кто совместим. Петер. Он сам подключился к Валькирии Без полной стабилизации.

Голос дрогнул. Впервые.

— Её назвали Эхо-1. Эта машина, она что-то делает с человеком. С его сознанием.

Ли́ка села на диван, обняв себя руками.

— Он видел будущее. На восемь лет вперёд. Он видел свою смерть Снова. И снова. Восемь лет — за минуты. Восемь лет умирать, не успевая жить. Его сознание не выдержало.

— Паломничество по тропам памяти. Откуда «Порог» знает, что я видел?

— Петер Он кричал твоё имя. У нас есть всего лишь одна надежда. Аномалия, не предопределённая линия.

Мы сидели молча. Часы на стене тикали неровно, будто тоже сбились с ритма. Лика смотрела в окно. Я смотрел на неё. И думал о том, что восемь лет — это слишком много для одного человека.

Лика проверила все входные замки в квартиру.

— Можешь лечь тут, на диване. Поговорим завтра. Я буду спать в другой комнате. Надеюсь, ты чутко спишь. Сегодня ты наш сторожевой.

Я провёл взглядом, по печальному угловому дивану. Стеревшаяся обивка. Которая застала Сталина, приглашала меня на ночлег. Выбирать не приходится. День был долгим. Я закрыл глаза. Мне нужно увидеть — мысль крутилась в голове.

Расслабься.

Вспоминай.

Как это происходит. Мир вокруг задрожал. Голос улицы исчез. Образы. Я всё ещё чувствую своё тело, оно как в трансе. Тяжесть одолевающая тело, медленно кралась на веки. Синий свет перед глазами. Холодный. Чужой. Я знаю этот свет. Он снился мне сотни раз.

Я здесь.

Синхронизация. Куда дальше. Сосредоточься. Синий свет поглотил меня, и я увидел.

Не клетка. Просто комната. Маленькая, серая, без окон. Леви сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел на свои руки. Они дрожали.

— Ты долго шёл, — произнёс он, не поднимая головы.

— Я не знал, куда мне идти.

И сам удивился своему голосу. Он звучал знакомо. Слишком знакомо.

Леви поднял глаза. В его глазах была усталость. Такая глубокая, что, казалось, её можно было потрогать.

— Иногда, — сказал он тихо, — мне кажется, что я жду не тебя. Я жду себя. Того себя, который не сдался.

— Что. Что я должен делать?

— Не смейте идти по нашему пути. Покажи, покажи ему другой путь. Слышишь меня?

Я хотел спросить, что это значит, но комната начала таять. Леви растворялся вместе с ней.

— Скажи кому показать!

— Посмотри на себя, — прошептал он напоследок. — Посмотри внимательно. Ты ничего не замечаешь?

Он смотрел на свои руки: одна — гладкая, кибернетическая. Вторая — его, но истощённая, серая, как у трупа.

Я посмотрел на собственные руки: они были не мои. Чёрные. Металл. Базальт.

Я увидел отражение в воде. Там было лицо — не моё. Мрак с синими глазами — он смотрел прямо в душу.

Я отшатнулся и бросил взгляд на Леви.

Его лицо исказилось в жуткой гримасе, рот был открыт. Глаза загорелись синим светом.

— Посмотри, что ты со мной сделал!

Я проснулся с криком. Лика почему-то спала рядом. Я точно помню, как она уходила. Наверное, она, как и я, уже долгое время не чувствует себя в безопасности.

Я тихо встал и подошёл к зеркалу в ванной.

Из отражения на меня смотрел я сам.

Моргнул — образ вернулся. Синие глаза.

Удар в отражение.

Перебило дыхание, защемило в груди. Знак на руке отозвался болью. Упал на колени вместе с разбитым зеркалом.

На осколках стекла в темноте горели синие глаза.

— Что ты такое

Если Лика говорила правду Таких, как мы, много.

«Порог» уже давно сделал свой ход.

Все эти люди, которые пропали.

Что с ними стало?

Я смотрел на осколки зеркала и думал о тех, кто пропал. О Сьюзан. О Петере. О том, что они видели. И вдруг понял: я знаю, что такое Лавина. Я видел её во сне. И я знаю, чем это кончается.

Глава 6 ПЕРВАЯ ВОЛНА

Два месяца назад: секретный комплекс «Лавина». 2012 год.

Где-то глубоко под землёй.

Одноместная комната была залита неоновым светом. Стандартный набор: кровать, стол, моноблок — чёрный экран, свод отчётов. Шкаф для самого необходимого.

Сьюзан потеряла счёт дням. В комнате без окон время текло медленно.

— А-а-а, скука смертная! — крикнула она в потолок.

Села, почесала кудри, глянула в зеркало. Азиатские глаза, смуглая кожа. Лет двадцать семь, может, двадцать восемь?

— Доброе утро, красотка.

Экран загорелся.

«Сьюзан Окомото. Готовность: 15 минут. Технический отдел базы Лавина. Проверка совместимости. Архангел Эхо-1. Время: 18:00».

Сьюзан вскочила. Штаны, топик, куртка. Красная бандана на голову — последний штрих.

Стук в дверь.

— Сьюзан, ты готова? — Крик из-за двери. — Это я, Бак.

— Ещё минуту!

Дверь отъехала в сторону.

Бак стоял, упёршись в стену. Метр девяносто пять, ширина плеч как отдельная статья.

Тело — как у древней статуи.

Сьюзан упёрла руки в бока.

— Ну что, Микеланджело, идём?

Бак фыркнул.

— Прекрати меня так называть.

Он шагнул в коридор. Но на лице — вопреки всему — появилась улыбка.

Сьюзан шла рядом, руки за спиной, вышагивая как пионер.

— Фыр-фыр. — Она принялась. — Ба-ак. Ты вообще снимаешь свой спандекс? От тебя разит, как в бане от сумоиста.

Бак рассмеялся.

— Я после тренировки. Был выбор: душ или забрать тебя. Я же знаю, как ты спишь — тебя автоматная очередь не разбудит.

Сьюзан толкнула его плечом.

— Тут я согласна. Какие задачи? Что такое Эхо-1?

Бак нахмурился, протянул планшет.

— Сьюзан, проблема. Мы в первой волне.

— Артефакт?

— Да. Архангел-симбиот. Сканирует ДНК. Каждый уникален.

— А твой?

Бак усмехнулся. Коротко.

— Он увидел во мне что-то. Чего я сам не знал.

— Кроме того, что ты дылда?

Сьюзан толкнула его локтем.

— Моя совместимость невелика.

Он посмотрел на неё.

— Будь аккуратна. Открой данные.

— Не переживай.

Она остановилась. Посмотрела на его лицо. В глазах — грусть и тревога.

Провела пальцем по планшету.

Дата.

Группа крови.

Синхронизация: 2%.

Следующий слайд.

Бледное лицо. Тело было скрюченным, словно при приступе паралича. Пустые глаза, смотрящие куда-то насквозь. Из рта — висят слюни, из ушей и носа — кровь.

Сюзан отшатнулась. Планшет выпал из рук.

— Бак, что за херня?! Нас ведут на убой?

— Выбора нет. — Кассим нервно выдохнул. — «Порог» отобрал пятнадцать человек из всех кандидатов. Сюзан, мы в следующей группе.

Он поднял планшет.

— Ты же видела прогнозы. Аномалии появляются по всей Земле. Если не справимся — неизвестно, чем кончится.

Бак нажал кнопку.

Двери открылись.

Перед ними раскрылся ангар высотой в тридцать метров.

— Добро пожаловать на «Лавину».

Сюзан перевела взгляд на табличку у входа. Название было выбито в камне, но буквы мерцали слабым белым светом.

— «Лавина»? — переспросила она. — Странное название для огорода, где вы делаете из людей овощей.

Семён Игоревич усмехнулся — «Заслон» строил это место как щит. Как «Заслон» от хаоса. Но щит — слишком пассивен. Здесь мы готовим ударную группу.

Он обвёл рукой ангар, ряды доспехов, фигуры людей в форме.

— здесь Лавина собирается. Набирает силу. Для того чтобы обрушиться на врагов человечества.

— Господи, да я вас уже поняла. Показывайте, что тут у вас.

Построение. Тринадцать человек стоят, руки за спиной, ноги на ширине плеч.

— Следующий, — раздалось в гарнитурах.

Сюзан сделала шаг вперёд. Медики в вакуумных костюмах, нехотя отгаскивают ещё одно тело.

— Сюзан Окомото. Давай нормально, не как на других тестах.

— Лица, легко тебе говорить, там за стеклом. У тебя тоже третья отрицательная, какого чёрта ты не в одной лодке с нами?

— Моя задача отсл

Сюзан откинула голову, цыкнула сквозь зубы. Прижала палец к наушнику — щёлк. Отключила внешний канал.

— Ладно, — пробормотала она. — Давай посмотрим, что ты такое.

Шаг.

Кожа отреагировала сразу — мурашки побежали по телу, как перед ударом молнии. Дыхание стало рваным, тяжёлым.

Перед ней стояла чёрная аномалия. Медленно обретающая человеческий силуэт.

Архангел не появился. Вместо него пришла зона давления, которая начала поглощать комнату. Будто что-то пыталось проникнуть в голову. Бесформенный силуэт обретал очертания — как человек, выходящий из тумана. Существо сканировало её. Изучало.

Она протянула руку. Архангел словно мимик протянул свою руку в ответ.

В тот момент, когда их пальцы почти коснулись, в голове вспыхнуло — холодное, чужое, нечеловеческое. Оно сканировало её. Искало слабость.

И в этот момент она поняла.

Если она сделает ещё шаг, резонанс уйдёт в неконтролируемую фазу. Плазма крови изменится. Возможно, произойдёт падение синхронизации.

Её точно спишут. Не сегодня, так завтра.

Перед ней всплыло лицо из вчерашних отчётов. Бледное. С отчуждёнными глазами. Лишь пустая оболочка — всё, что осталось от человека.

Пустые глаза, в которых отсутствовали хоть какие-то крупницы сознания. Человек перестал существовать, потому что «Порог» решил: допустимая потеря.

«Я следующая. Но я не хочу стать одной из первых жертв бездушной машины», — подумала Сьюзан. Если отступит — останется жить. Будет продолжать носить форму, выполнять миссии, каждый день видеть лица тех, кто не смог выбраться. И знать: я смогла отказаться.

Она вспомнила фотографию. Пустые глаза. Человек, которого списали. Допустимая потеря.

«Если шагну, — мелькнуло в голове, — либо следующая фаза, или Спишут. Изолируют. Но тот парень он тоже так думал, что он может стать последним. Что он не просто шум для системы. Но если Если я смогу им помочь, тем, кто стоит за моей спиной. Помочь!? Себе помощи, дурочка!».

Странное чувство кольнуло под ложечкой. Право на ошибку. Право выбрать быть неэффективной.

— Плевать.

И шагнула.

Контакт был провалом.

Резонанс хлестнул по нервам. Магнитное поле покрыло тело. Кровь в висках зазвенела. Тень вцепилась в тело и начала пробираться под кожу. Она закричала — сквозь зубы, не давая телу паниковать.

Держись. Держись. Держись.

Архангел не сдерживался. Цеплялся. Скользил по венам.

Она не пыталась удержать форму. Подставилась под удар.

По телу прошли электрические разряды и ушли в пол, — как через громоотвод.

На секунду в глазах — пустота.

А потом тьма.

Сьюзан потеряла сознание.

Когда сознание вернулось, Бак держал её за руку.

— Ты — не договорил.

Сьюзан слабо засмеялась:

— Кажется, я стала плохим материалом.

Лица вбежала, вся бледная, глянула на показатели и замерла.

— Синхронизация упала. «Порог» это заметит Сьюзан.

Сьюзан отвела взгляд в грудь Бака, ожидая поддержки:

— Значит, в следующий раз подумают, прежде чем посылать меня в первой волне.

Бак молча накрыл плечи Сьюзан своей курткой, а потом произнёс:

— Ты больше не в первой волне.

Сьюзан уткнулась в его грудь, закрыла глаза:

— Отлично. Ещё немного проживу как человек.

— Бак, срочно в лазарет! — крикнула Лица.

В отчёте «Порога» позже появится сухая строка.

Оператор: Сьюзан Окомото. Рекомендовано ограничить прямые контакты с системой Архангел («Эхо-1») до нового распоряжения.

Сьюзан очнулась в белой комнате.

Не в той, где провела неделю, — в другой. Меньше. Тише. Пространство здесь было ровным, стерильным, без запаха. Она лежала на койке, глядя в потолок, и чувствовала, как под кожей пульсирует что-то чужое.

Она подняла руку. Пальцы слушались. Медленно, с задержкой, но слушались.

На запястье — браслет. Чёрный, матовый, без экрана. Просто кольцо из неизвестного материала.

— Ограничение контактов, — сказала она вслух.

Голос прозвучал хрипло.

Она села. Комната пошатнулась. В углу, на стуле, сидел Бак.

— Давно ты здесь? — спросила Сьюзан.

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Часа два. Может, три.

— И молчал?

— А что говорить?

Она усмехнулась. Из последних сил.

Бак поднялся, подошёл ближе. Остановился у койки, глядя на неё сверху вниз.

— Ты знаешь, что сделала?

— Да. — Она встретила его взгляд. — Сломала себе совместимость.

— Нет. — Он покачал головой. — Ты показала им, что человек может выбрать быть неэффективным. Это хуже любой поломки.

Сьюзан помолчала.

— А ты? Ты тоже сломал?

Бак медленно закатал рукав. Под кожей, на предплечье, пульсировали синие вены. Они стали ярче, заметнее.

— Деградация параметров, — сказал он. — Необратимая.

— Два идиота

— Два идиота, — согласился Бак.

Они помолчали. Сьюзан стукнулась затылком о стену и спросила:

— А тот Морриган?

Бак замер.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Слышала. Перед тестом. Кто-то шепнул, что он был седьмым.

Бак долго молчал. Затем ответил:

— Он в коме. Искусственной. Слишком много увидел.

— Что?

— Всё. Все варианты. Как мы умираем. Снова и снова.

Сьюзан закрыла глаза.

— Значит, мы не первые.

— Нет, — сказал Бак. — И не последние.

Он развернулся и пошёл к двери. На пороге остановился.

— Отдыхай. Завтра начнут проверять.

— Бак.

Он обернулся.

— Спасибо, что был здесь.

Он кивнул.

— Сьюзи, у тебя час. На отчёт к главному. Удачи.

Вышел.

Сьюзан осталась одна. Смотрела в потолок и чувствовала, как под кожей пульсирует что-то чужое, что стало частью неё.

Посмотрим, — подумала она. — Осталось только дождаться последствий.

Глава 7 СПИСАНИЕ

До кабинета Семёна Сьюзан дошла сама. Бак шёл рядом и делал вид, что не боится её на каждом повороте.

После контакта база звучала иначе. За стенами работали вентиляторы, в полу тянулись силовые линии, двери коротко набирали ток перед открытием. Раньше всё это сливалось в обычный гул. Теперь Сьюзан различала каждый кабель.

У нужной двери Бак остановился.

— Я подожду здесь.

— Боишься, что украду начальство?

— Боюсь, что придётся вынимать дверь.

— Расслабься. Сегодня я ломаю только дорогое оборудование.

Бак осмотрел её с головы до ног, задержался на браслете.

— Если станет жарко, выходи.

— Хорошо, папа.

Он пропустил шутку. Значит, беспокоился сильнее, чем показывал.

Сьюзан вошла без стука.

Кабинет Семёна был теснее, чем она ожидала. Металлический стол, два стула, шкаф с бумажными папками. На стене висела карта мира без единой подписи; булавками отмечены побережья, горные районы и несколько точек в океане. Терминал освещал Семёну лицо снизу и делал его старше.

Он закончил читать строку, поставил электронную подпись и только после этого поднял глаза.

— Медицинский блок назначил вам покой.

— Я полежала. Не понравилось.

— Четыре минуты — не покой.

— Зато честные четыре минуты.

Семён указал на стул.

Сьюзан села и положила руки на колени, чтобы он не заметил мелкую дрожь в пальцах. Браслет мешал. Под ним то холодело, то начинало печь.

— Ваше сердце остановилось на три целых семь десятых секунды, — сказал Семён. — Температура крови поднялась на два градуса. В испытательном секторе выгорели два преобразователя. Один техник получил ожог сетчатки.

— Технику передайте, что мне жаль.

— А преобразователям?

— Они знали, на что подписывались.

Семён не улыбнулся. Он развернул терминал к ней.

На экране шла запись контакта. Сьюзан увидела себя внутри медного круга, чёрную фигуру напротив и цифры синхронизации. Кадр дёрнулся в момент касания. Следующие восемнадцать секунд отсутствовали. Потом она уже стояла вне разметки, удерживая Архангела за запястье.

— Что произошло в пропущенном участке?

— Спросите у своей машины.

— «Порог» не получил данные.

— Наконец-то у нас есть что-то общее.

Семён вернул запись к первому касанию.

— Вы сознательно нарушили стойку, вывели конечность Архангела на заземление и сорвали синхронизацию. До этого показатели росли без отклонений. Зачем?

Сьюзан посмотрела на свою ладонь. Под кожей шевельнулась белая искра и погасла.

— Он двигался раньше меня.

— Архангел строил прогноз моторной реакции.

— Нет. Прогноз оставляет человеку шанс передумать. Эта штука уже знала, что я сделаю, и подталкивала туда, где ей удобнее.

— Это ощущение могло быть побочным эффектом контакта.

— Конечно. А слюни у предыдущего кандидата были плохим настроением.

Семён убрал запись. Взял со стола бумажную папку и открыл на последней странице.

— Вы читали итоговый протокол?

— Лика дала сокращённую версию.

— Я так и думал.

Он передвинул папку к ней.

Внизу страницы стояла строка, которой не было в медицинской копии:

РЕШЕНИЕ ОБ УТИЛИЗАЦИИ ОПЕРАТОРА: ОТЛОЖЕНО.

Сьюзан прочла ещё раз. Смысл не изменился.

— У вас тут опечатка. Обычно утилизируют батарейки.

— Внутренний классификатор не различает оператора и оборудование, если оба несут активный контур.

— Очень удобно.

— Удобство здесь ни при чём. Если «Эхо-1» продолжит перестраивать вашу нервную систему, вы можете стать источником неконтролируемого поля. Тогда пострадает не только база.

Сьюзан закрыла папку.

— Поэтому вы сначала называете человека деталью, а потом спокойно выбрасываете по инструкции.

— Поэтому мы стараемся остановить процесс до того, как человек перестанет управлять собой.

— Сегодня управляла я.

— Сегодня вам повезло.

— Запишите так. Мне нравится.

Семён достал ручку. Настоящую, с потёртым металлическим корпусом, и положил поперёк папки.

— Вы видели Морригана.

Сьюзан не ответила.

— В медицинском блоке вы назвали его имя. До теста вам его не сообщали. В открытой части базы оно не используется.

— Значит, кто-то плохо хранит секреты.

— Что вы видели?

Тон не изменился. Давление создавал не голос, а терпение. Семён мог повторять вопрос часами и не уставать.

Сьюзан откинулась на спинку стула.

— Мужчина на койке. Глаза открыты. Руки пристёгнуты. Он называл числа.

— Какие?

— Не запомнила.

Это была ложь. Первые три числа она помнила отлично. Они совпадали с датой на часах над её капсулой.

Семён постучал ручкой по папке.

— Петер Морриган участвовал в седьмом испытании. Его контур назывался «Габриэль». Связь с системой превысила половину расчётного диапазона, после чего он перестал различать

прогноз и текущую реальность. За двадцать минут Петер пережил несколько сотен вариантов собственной смерти.

— Лика сказала, он сам попросил ввести его в кому.

Ручка остановилась.

— Этого нет в отчёте.

— Значит, отчёты знают не всё.

Семён посмотрел на камеру в верхнем углу. Красный индикатор погас. Гул терминала стал тише: кабинет отключился от внутренней записи.

— Морриган успел передать один устойчивый вывод, — сказал он. — Во всех ветвях, доступных «Габриэлю», группа формировалась вокруг одних и тех же носителей. Менялись даты, места, порядок событий. Люди оставались.

— И вы теперь собираете коллекцию.

— Я пытаюсь найти ветвь, где коллекция переживёт первую неделю.

Сьюзан посмотрела на карту. Большинство булавок стояло возле воды.

— Получается?

— Пока нет.

Ещё один честный ответ за вечер. От Семёна она такого не ожидала.

Он включил второй экран. На нём появились две фотографии.

Первым был мужчина с короткой стрижкой и тяжёлым взглядом. Снимок сделали в банковском офисе: рубашка, бейдж, чужие бумаги на столе. Под фотографией стояло имя — Артём Соболев.

На втором снимке Сьюзан сразу узнала Лику. Лондонская камера, октябрь 2012 года. Медицинский оператор смотрела в объектив, хотя камера находилась высоко под потолком.

— Каннингем уже здесь, — сказала Сьюзан.

— Физически — да. Но часть её биографических данных существует только в отклонённой ветви. После вашего контакта оба профиля дали одинаковую сигнатуру.

— Соболев и Лика?

— Москва и Андаманское море. Два ответа на один импульс.

Браслет нагрелся. На терминале дрогнула фотография Артёма; по экрану прошла тонкая белая полоса.

Семён это заметил.

— Вы его знаете?

— Нет.

На этот раз она сказала правду: лицо было чужим, а реакция на него принадлежала «Эхо-1».

— Что ещё показал Архангел?

Сьюзан вспомнила стеклянную капсулу и годы, менявшиеся над её головой. Вспомнила строй, где пустовало её место. Об этом Семён не узнает. Не сегодня.

— Плохие новости. У вас и без меня их много.

— Если продолжите скрывать данные, условия изменятся.

— Вот мы и добрались до статуса.

Семён открыл другую страницу. В верхнем углу стояло одно слово: «СПИСАНИЕ».

— У вас три варианта, — сказал он. — Наблюдение здесь, губернация до стабилизации или полевая работа под контролем «Порога». К Архангелам допуска не будет.

— Камера, морозильник или поводок.

— Полевые задачи. Разведка, сопровождение, извлечение. То, что вы умеете.

— И браслет остаётся.

— Пока остаётся поле.

Сьюзан провела ногтем по матовой поверхности ограничителя.

— Тогда мои условия. Никакого сканирования памяти без согласия. Никаких препаратов в еду. На медицинских процедурах присутствует Лика или Бак.

— Я могу принять два условия. Присутствие конкретных людей гарантировать не стану.

— Тогда гарантируйте хотя бы одного. Вы не захотите потерять человека, который заставил ваш Архангел ошибиться.

Семён медленно перевёл взгляд на терминал. Запись теста застыла на цифре 2,1 %.

— Вы считаете это ошибкой системы?

— Система хотела получить послушное тело. Получила меня. Я бы назвала это просчётом.

Он взял ручку и зачеркнул слово «СПИСАНИЕ» одной линией. Ниже написал: «ПОЛЕВОЙ РЕЗЕРВ. ДОПУСК ОГРАНИЧЕН».

— Пока вы соблюдаете договорённость, — сказал Семён.

— Тогда у нас осталось минут пять.

Сьюзан встала, и ноги удержали её с первой попытки — для начала уже неплохо.

У двери она обернулась:

— Морриган считал, что такой ветви нет.

— Такой ветви нет.

— Значит, он неправильно искал.

Она вышла.

Бак ждал напротив двери; увидев её лицо, он не стал задавать вопросов и просто пошёл рядом.

— Ну? — спросила Сьюзан.

— Ты вышла сама.

— Это весь отчёт?

— Пока достаточно.

Они свернули в коридор. Браслет остыл, зато сигнал в стенах стал отчётливее. От кабинета Семёна к нижним уровням базы уходил новый поток данных. Сьюзан различила в нём два повторяющихся профиля.

Соболев.

Каннингем.

«Эхо-1» уже запомнил их.

После её ухода Семён снова включил запись. Камера под потолком ожила.

На основном экране ждал закрытый отчёт «Порога». Он появился после испытания и каждые семь минут пересчитывался заново.

PREDICTIVE BRANCHES: 12 441

STABLE OUTCOME CLUSTER: 1

UNCLASSIFIED OPERATOR ACTION REGISTERED

RECALCULATION

Последняя строка изменилась.

STABLE OUTCOME CLUSTERS: 2

Семён снял очки, протёр линзы и перечитал сообщение. Цифра осталась прежней.

Две устойчивые ветви вместо одной.

Он открыл досье Соболева и Каннингем. На обоих уже стояла отметка «НАБЛЮДЕНИЕ». Семён заменил её на «АКТИВНАЯ ФАЗА».

Затем Семён восстановил удалённую Ликой строку об утилизации Сьюзан, но вместо основного дела перенёс её в личный архив. Окончательно уничтожить запись он не собирался: документ мог стать и приговором, и защитой, смотря кто откроет его первым. Пока «Порог» считал Окомото неисправностью, она сохраняла редкое преимущество — возможность совер-

шить поступок, которого система не ждала. Семён давно научился не называть это надеждой. В отчётах для такого слова не существовало графы.

Семён нажал внутреннюю связь.

— Подготовить группу. Соболев и Каннингем переходят в активную фазу.

— Основание? — спросил дежурный.

Семён посмотрел на цифру два.

— Появился второй вариант.

Глава 8 ДО ПРОТОКОЛА

Я проснулся на полу.

Левая ладонь упиралась в ковёр, правая держала ножку табурета. Дверь — в четырёх шагах. Окно — в двух. Между шкафом и стеной оставалось место, где мог спрятаться человек.

Всё это я знал до того, как открыл глаза.

Плохо.

Я разжал пальцы. Табурет качнулся и тихо стукнул ножкой. В бабушкиной квартире звук получился домашний, глупый. Никакого обстрела. Никакого приказа в наушнике. Только холодильник гудел на кухне да батарея щёлкала, остывая после ночного жара.

Но тело ещё ждало команды.

Держи строй.

Плечи поднялись сами, вес ушёл на носки. Я успел заметить чужую стойку и заставил себя подняться нормально — неловко, держась за диван. Колени дрожали, зато принадлежали мне, и это уже было хорошо.

— Нет, — сказал я. — Обойдёшься.

Леви не ответил. Он вообще редко снисходил до разговора. Обычно оставлял мне навык, боль и уверенность человека, который давно перестал спрашивать, зачем ему приказали.

На среднем пальце синела паста.

Я включил настольную лампу. Тетрадь лежала раскрытой на столе, хотя вечером я убрал её в сумку. Рядом валялась ручка без колпачка. Последняя строка блестела: чернила не высохли.

За стеной скрипнула кровать. Через минуту в комнату вошла Лика. На плечах у неё был платок её бабушки — серый, огромный, с колючей бахромой. Платок пытался сделать её уютной и проигрывал.

— Ты опять не спал?

— Спал. Даже слишком деятельно.

Она посмотрела на табурет в моей руке, затем на тетрадь.

— Покажи.

— Доброе утро и тебе.

— Ты кричал какое-то имя.

— Леви

— Сейчас три сорок семь.

— Тогда это ещё доброй ночи.

Лика не улыбнулась. Подошла к столу, но к тетради не прикоснулась.

— Ты помнишь, как писал?

— Если скажу «да», станет легче?

— Нет.

— Тогда нет.

Она взяла ручку за самый край, осмотрела наконечник и провела короткую линию на полях старой газеты.

— Паста та же. Нажим твой.

— Очень обнадеживает.

— Почерк меняется к концу страницы. Здесь ты сильнее давил на ручку. Здесь кисть начала уставать. Это писал живой человек, не принтер.

— Спасибо. Я уже боялся, что у меня в сумке завёлся принтер.

Лика подняла глаза.

Юмор закончился.

Наверху страницы стояла дата: 7 мая 2039 года. Ниже — несколько строк, разделённых кривыми чертами.

07.05.2039. ARK-01. Район орбиты Плутона.

Бортовое время расходится с земным на одиннадцать минут. Причина не в часах. Расхождение растёт после каждого включения ядра.

Корпус подняли с Земли. Он старше нас. Швов нет. Следов сборки нет. Мы всё ещё называем это кораблём, потому что другого слова не придумали.

Корабельный разум говорит голосами Прародителей. На вопросы не отвечает — исправляет нас.

ЕДИНСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СПАСЕНИЕМ.

Ковчег построили не для спасения.

Эхо — это мы.

ЛИКА.

Её имя было подчёркнуто трижды. После него ручка сорвалась и прорезала бумагу.

Ли́ка прочла страницу два раза. Потом начала листать назад. Старые даты, номера расхождений, выцветшие пометки на полях.

На вклеенном рисунке страницы слиплись. Ли́ка остановилась.

Принцесса сохранилась плохо. Жёлтая корона, платье, закрашенное умирающим красным фломастером, залом поперёк лица. Я столько лет таскал этот лист с собой, что бумага стала мягкой на сгибах.

Свободная рука Ли́ки коснулась внутреннего кармана и сразу опустилась.

— Что?

— Клей высох. Потянешь сильнее — порвёшь страницу.

Она отделила бумагу ногтем, проверила край и перелистнула дальше.

— Тетрадь старая, — сказала Ли́ка. — Новая только эта запись. Чернила ещё не высохли.

— Уже полегче.

— Я не закончила. Запутанность сама по себе не переносит сообщения. Если кто-нибудь объяснит это «квантовой памятью», можешь сразу выгонять его из комнаты.

— А если комната его?

— Тогда уйди сам.

Она наконец села.

— Есть два рабочих варианта. Первый: у тебя был контакт, которого ты не помнишь. Второй: информация пришла не через расстояние, а через общую точку расчёта. «Порог» мог связать два состояния одного носителя и получить замкнутую причинность.

— Можно без кандидатской?

— Ты списал запись у себя самого. Только тому тебе на двадцать семь лет больше.

Я посмотрел на свои пальцы. Паста въелась в кожу возле ногтя.

— Прекрасно. В сорок пять я всё ещё пишу как врач в конце смены.

— Если это действительно ты.

Вот теперь стало холодно.

Я перелистнул страницу. Дальше шли схемы, обрывки фраз, цифры. Часть записей я понимал отдельно, но вместе они не складывались: период обращения, четыре отметки ускорения, температура за внешней обшивкой. В углу был нарисован круг, разделённый неровной чертой. Слева — 98. Справа — 2.

Под кругом стояло: ДО ПРОТОКОЛА / М. THALL / ЖЕНЕВА.

Я дважды прочёл фамилию.

— Талл работал в ЦЕРНе, — сказал я. — Его имя было в папке Семёна. В две тысячи восьмом он зафиксировал расхождение, а потом исчез из всех открытых источников.

— Ты нашёл его?

— Только старый меморандум и эти координаты. Будущий я оказался полезнее нынешнего.

Ли́ка закрыла тетрадь и пошла на кухню. Я двинулся следом.

В шкафу нашлась банка растворимого кофе. Срок годности закончился при прошлой власти, но выбирать не приходилось. Я поставил чайник и достал две чашки. За ними звякнула маленькая гранёная рюмка.

Ли́ка взяла её и повертела перед светом.

— Мама держала две такие. Она была наполовину русской.

— Сочувствую. У моей бабушки их двенадцать. Видимо, готовилась к осаде.

— Мама рассказывала, что научила моего отца пить коньяк из рюмки. Он долго спорил и доставал правильный бокал. Потом сдался.

— Убедительная женщина.

— Очень.

Ли́ка провела большим пальцем по грани стекла. Рюмка была дешёвая, тяжёлая, с пузырьком воздуха внутри ножки.

— Мама вообще умела превращать чужие правила в семейные привычки. Отец объяснял ей температуру подачи, форму бокала, сколько минут должен дышать коньяк. Она выслушала всё, налила в такую рюмку и сказала: «Теперь попробуй не как положено, а как дома». После этого правильные бокалы доставали только для гостей.

— И кто победил?

— Никто. В семье это обычно называют традицией.

Она улыбнулась, но взгляд остался на стекле. Я не стал спрашивать, где теперь хранятся вторая рюмка и почему история звучит так, будто дом существует только в прошедшем времени.

Ли́ка поставила рюмку рядом с моей чашкой.

Чайник отключился. Я залил кофе, понюхал и пожалел, что у меня нет противогАЗа.

Мы вернулись к тетради. Я вбил координаты в карту. Метка легла на служебную часть комплекса ЦЕРН, западнее основного кольца, почти у французской границы.

— А Женева здесь зачем? — спросила Ли́ка.

— Ближайшая понятная точка. Или тот я решил, что географию я тоже забуду.

— Что означает «до протокола»?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Что именно хорошего?

— Ты не выдаёшь догадку за факт.

— Дай мне пять минут. Исправлюсь.

Ли́ка ещё раз проверила координаты, увеличила схему подъездных дорог и закрыла ноутбук.

— Если там остались материалы Талла, они могут объяснить, почему твоё имя появилось в расчётах раньше контакта.

— И почему моим почерком записано твоё.

— Возможно.

— Значит, едем.

— Я ещё не сказала, что мы поедem.

— А я ещё не предложил.

Она закрыла тетрадь ладонью.

— Петер начал видеть ветви после «Габриэля». Сюзан — после прямого контакта с «Эхо-1». Ты не подключался ни к одной системе. Если память открылась сама, «Порог» мог заметить это раньше нас.

— Семён уже заметил.

— Семён наблюдает. Система рассчитывает. Это разные угрозы.

— Отлично. Как раз выбирал, чего бояться первым.

Лица подвинула ко мне тетрадь.

— Вопрос не в страхе. Если запись верна, твои решения уже входят в расчёт 2039 года. Поездка к этим координатам может оказаться тем шагом, которого от тебя ждут.

— А если останусь здесь?

— Тоже.

— Вот и свобода выбора. Сиди дома или иди в ловушку — оба варианта посчитаны.

Я посмотрел на круг с цифрами. Девяносто восемь и два. В отчёте это выглядело бы аккуратно. В жизни справа помещались имена, страх и второй крик, которого не было ни в одном документе.

— Я помню роддом, — сказал я. — Не весь. Один крик.

Лица не перебила.

— Сначала мой. Потом второй. Рядом был ещё ребёнок. В документах его нет, мать никогда о нём не говорила. Я долго думал, что придумал это. Теперь в тетради есть две одинаковые кривые. Они начинаются в одной точке.

— Это не доказательство брата.

— Знаю.

— И не доказательство, что Леви связан с ним.

— Тоже знаю.

— Тогда что ты хочешь найти в Женеве?

— Место, где хоть кто-нибудь перестанет решать за меня, что считать воспоминанием.

Она смотрела внимательно и без жалости; за последнее я был особенно благодарен.

— Тогда ищи не ответ, — сказала она. — Ищи факт, который можно проверить.

— Тогда начнём с его папок.

Несколько секунд она молчала. Потом сняла платок, аккуратно сложила его на спинке стула и поставила рюмку вверх дном.

— У нас два часа, — сказала Лица. — К утру Семён перекроет аэропорты и вокзалы. Нужна машина, наличные и маршрут без камер.

— То есть ты всё-таки едешь?

— В тетради трижды написано моё имя. Я не отпущу тебя одного.

— Ясно. Глупый вопрос.

Она вышла собирать вещи.

Я остался на кухне. На столе остывал дрянной кофе. Рядом стояла пустая рюмка. Я убрал её в шкаф — ни одна бабушка не любила, когда посуда оставалась на столе.

На последней странице тетради было четыре слова. Их я Лице не показал.

НЕ ДАЙ МНЕ СТАТЬ ЛЕВИ.

Почерк был мой.

Глава 9 ЧУЖИЕ ЛИЦА

В четыре утра кухня выглядела честнее нас.

На столе лежали тетрадь, распечатка с фамилией Талла, два пустых стакана и карта дорог до белорусской границы. Мы собирались в Женеву, не имея машины, нормальных документов и хотя бы одного человека, которому можно позвонить.

План отличный. Надёжный.

Я сидел у окна и отмечал камеры возле вокзалов. Лика достала из сумки, с которой пришла, фотоальбом и положила его поверх карты.

— Это сейчас зачем?

— Посмотри.

На снимке бабушка стояла у речного трамвая. Год был подписан сзади: 1968. Волосы у неё торчали коротким красным облаком. Платье в горох, туфли, сигарета. Я помнил её совсем другой.

— Она всегда говорила, что в молодости была красивой.

— Она очень примечательная, совсем как ты.

Лика вздохнула, — вот от этого и всё становится хуже.

Я перевернул фотографию ещё раз. Бабушкин почерк на обороте был молодой — широкие буквы, длинный хвост у цифры восемь. Позже она писала мельче, сэкономила место на записках и всегда прижимала бумагу левой рукой, чтобы не дрожала. На снимке ничего этого ещё не существовало. Человек умещался в одном хорошем платье, сигарете и уверенности, что фотограф запомнит его именно таким.

Менять лицо перед бегством оказалось неприятнее, чем я ожидал. Не из-за волос. Я слишком долгодоказывал себе, что память врёт, а теперь добровольно собирался помочь чужой памяти ошибиться. Семён искал банковского сотрудника с моей фотографией; через час из квартиры выйдет человек в пустой оправе и чужой куртке. Останется решить, кто из нас настоящий и имеет ли это практическое значение.

Лика кивнула на наши фотографии в досье Семёна.

— Поэтому нам нужны другие лица.

В ванной нашлись ножницы, машинка с одним живым аккумулятором и коробка краски «Тёмный каштан». На упаковке улыбалась женщина, которая явно никогда этой краской не пользовалась. Срок годности закончился два года назад.

— Волосы не выпадут? — спросил я.

— Узнаем через двадцать минут.

— Успокоила.

Лика села на табурет и накинула на плечи старое полотенце.

— Короче, — сказала она. — Уши оставить.

— Постараюсь.

Я умел считать кредитные риски, заполнять отчёты и объяснять человеку, почему банк заберёт его квартиру. Стрижка в этот список не входила.

Ножницы зажевали первую прядь.

— Поздно передумывать, — сказал я.

— Я и не начинала.

Через десять минут на полу лежала половина её прежней причёски. Я подровнял затылок машинкой, насколько смог. Лика проверила результат двумя зеркалами.

— Сойдёт.

— Высшая оценка.

Она натянула перчатки и смешала краску; когда запах аммиака добрался до коридора, я открыл форточку.

— Теперь ты, — сказала Лика.

Машинку она держала увереннее: прошла виски и затылок, сняла длину сверху, не оставив времени на обсуждение.

— Готово.

В зеркале был человек, которого могли выпустить из отделения под подписку. Я достал из ящика в прихожей старые очки Лики, выдавил линзы и надел пустую оправу.

— Лучше?

— Намного хуже.

— Значит, работает.

Краска дала цвет темнее, чем на коробке. Лика вымыла голову, вытерла раковину, собрала волосы и использованные перчатки в отдельный пакет. По фотографии из досье её теперь узнали бы не сразу. Этого хватало.

Я сменил рубашку на старый свитер, сверху надел кожаную куртку, которую Лика вытащила из глубины шкафа. Она выбрала тёмную парку и шапку, которая закрывала стрижку. Паспорта разложили по разным карманам. Телефоны выключили, аккумуляторы вынули. Сим-карты я разрезал ножницами над раковиной.

— Мать будет звонить, — сказал я.

— Ответишь — вас свяжут по вышке.

— Знаю.

Я бросил остатки пластика в пакет. На этом семейная дискуссия закончилась.

Телефонную трубку на кухне я всё-таки снял. Гудок шёл ровно, терпеливо, предлагая набрать номер и оставить в этой квартире хотя бы одну честную фразу. Я знал, что скажу матери: срочная командировка, несколько дней без связи, не волнуйся. Три короткие лжи, каждая заботливее предыдущей. Номер набрал до последней цифры и остановился.

— Позвонишь — ей станет легче на пять минут, — сказала Лика из дверей. — Потом она поймёт, что ты врёшь, и будет ждать звонка, которого не сможет сделать сама.

— Отличная медицинская поддержка.

— Я не говорю, что не звони. Я говорю, чем это закончится.

Я положил трубку. Мать знала мой голос слишком давно; другая причёска здесь не помогла бы.

В комнате остались следы жизни, которую Лика не собиралась бросать: чашка в сушилке, её рубашка на спинке стула, неоплаченная квитанция возле зеркала. Я не стал ничего убирать. Квартира, подготовленная к вечному отсутствию, выглядела бы подозрительнее обычного беспорядка. И честнее, чем мне хотелось.

Перед уходом Лика проверила комнаты. Окна, газ, воду, следы на столе. Я забрал тетрадь и распечатку Талла. Фотоальбом убрал обратно в её сумку.

В узком зеркале прихожей отражались два плохо выспавшихся человека в зимней одежде — ничего примечательного.

— Готова? — спросил я.

— Нет.

— Я тоже.

Мы вышли.

К Ленинградскому вокзалу не поехали. До Твери добирались с пересадками: метро, пригородный автобус, потом старый микроавтобус, водитель которого соглашался не задавать вопросов за двойную цену. На каждой остановке Лика меняла место. Я считал камеры и людей, которые смотрели дольше секунды.

Москва отпускала нас слоями. Сначала исчезли знакомые дворы, затем одинаковые торговые центры у кольцевой, после них остались склады, заправки и замёрзшие пустыри с рекламными щитами. Я отмечал повороты и время в тетради, хотя понимал: если за нами действительно следит «Порог», этот маршрут уже просчитан лучше моего. Записывать всё равно было легче, чем смотреть назад.

В пригородном автобусе Лика сидела через проход. На первой остановке пересела ближе к двери, на второй — к женщине с ребёнком, на третьей встала так, чтобы видеть отражение салона в водительском зеркале. Она не суетилась и не изображала разведчика. Просто каждый раз оказывалась там, где человеку сложнее подойти незамеченным.

— Тебя этому учили? — спросил я, когда автобус опустел.

— Наблюдать — да. Бояться пришлось самой.

— Хорошая школа.

— Выпускников мало.

Ответ прозвучал спокойно. Я не стал выяснять, шутка это или статистика.

Поезд догнали уже в Твери.

В вагоне пахло угольной пылью, мокрой одеждой и варёными яйцами. Проводница проверила документы, посмотрела на пустые стёкла моих очков и потеряла к нам интерес.

Когда состав тронулся, я достал карту.

— Через Петербург дольше, — сказала Лика.

— Зато не по прямой.

— Ты всегда так планируешь?

— Обычно я планирую обед. Получается не лучше.

— Тогда объясни хотя бы этот план, — сказала Лика. — Почему Петербург?

— Потому что прямой путь в Женеву будут смотреть первым. В Петербурге переждём, проверим документы, найдём маршрут через Беларусь. Если Семён закроет международные рейсы, мы уже окажемся в стороне от списка пассажиров.

— А если он ждёт, что ты выберешь обходной путь?

— Тогда порадуются, что не зря получал зарплату.

Лика приподнялась на локте. В свете ночника её новое лицо казалось строже, хотя дело было не в волосах.

— Артём, я спрашиваю не о Семёне. Ты можешь остановиться. Вернуться домой, передать тетрадь и потребовать защиту. Это будет разумно.

— А ты вернёшься?

Она ответила не сразу.

— Нет.

— Значит, план остаётся плохим, но совместным.

— Совместный не значит правильный.

— Я работал в банке. Там это почти одно и то же.

Она легла на нижнюю полку и отвернулась к стене. Через несколько минут дыхание выровнялось.

Я не спал. За окном шли чёрные леса, редкие станции и собственное отражение в стекле. Чужое лицо оказалось удобным. От него ничего не требовалось.

Глава 10 ТРИ ДНЯ ТИШИНЫ

В Петербург я въехала лицом к окну.

Ночь отступала медленно. Под низкими облаками лежал серый свет, в котором снег терял белизну и становился голубым. Между домами появлялась вода. Сначала узкая полоса, потом широкая тёмная река с ломкими пластинами льда у берегов.

Над Невой летели чайки. Ветер сносил их к мосту, они разворачивались и снова шли против потока, почти не двигая крыльями. Ниже, на ледяной кромке, две серые вороны делили корку хлеба. Одна держала добычу лапой, вторая ждала, отвернув голову. Терпеливо. У птиц всё было понятнее.

Артём проснулся перед вокзалом. Сел, посмотрел на часы, проверил рюкзак.

— Приехали?

— Почти.

Он перевёл взгляд за окно.

— Чайки зимой. Я думал, они только у моря.

— Здесь море близко.

— Значит, не потерялись.

На платформе ветер пробрался под шарф с первого шага. Он пах снегом, железом и водой. Я давно не чувствовала такого холода: влажного, цепкого, проходящего сквозь одежду без спешки.

Артём поднял воротник.

— Где квартира?

— Петроградская сторона. Двадцать минут.

— Пешком?

— С пересадкой.

— Отличный город.

Квартиру сдавал мужчина, которого интересовали только наличные. Верхний этаж старого дома, узкая лестница, окна на Большую Невку. Рамы разошлись. В щель над подоконником проходил тонкий воздух и шевелил край занавески.

Артём первым делом проверил замок. Потом окно во двор, пожарную лестницу и розетки.

— Один выход, — сказал он. — Плохо.

Я открыла форточку. Над крышей прошла стая голубей, плотная и тёмная. На повороте птицы разом показали светлые животы, и стая на секунду исчезла в небе.

— Река рядом, — сказала я.

— Она дверь не откроет.

На этом осмотр закончился.

Двадцать седьмого декабря темнота пришла раньше, чем мы успели поесть. Артём разложил на столе карту, тетрадь и распечатки. Я перебирала документы и увидела дату в его паспорте.

28.12.1994.

Он уже спал, когда в нижнем ящике комода нашлась жестяная коробка с нитками. Хозяйка держала там иглы, пуговицы, напёрсток и обрезки тесьмы. Синяя нить была самой крепкой. Серая подходила к ней по толщине. Золотистую пришлось вытянуть из старой бахромы.

Я села у окна. Внизу ветер гнал по тротуару сухой снег. В свете фонаря снежинки двигались почти горизонтально, задевали стекло и пропадали. На противоположной крыше сидела ворона. Она втянула голову в плечи и пережидала ночь вместе со мной.

Узлы получались неровными. Я распускала ряд и начинала заново. Потом ещё раз. Работа была бессмысленная, медленная и поэтому полезная: пальцы заняты, мысли стоят в очереди.

Подарки требуют будущего. Человек берёт вещь, носит её, однажды находит в кармане или в ящике и вспоминает того, кто подарил. Последние годы я ничего не делала руками именно поэтому: слишком многие вещи пережили своих владельцев и остались лежать в коробках, ожидая людей, которые не вернуться. Нитки были безопаснее памяти. Их можно затянуть, проверить, распустить и начать снова, если рисунок ушёл в сторону.

Золотистую полосу я оставила одну. Она получилась тоньше остальных и дважды рвалась возле края, зато без неё браслет выглядел правильным и совершенно чужим. Пришлось связать концы изнутри. Узел остался заметен только тому, кто знает, где искать.

К трём часам получилась фенечка. Синяя, серая, с одной золотистой полосой. Концы я спрятала под узел и положила её возле паспорта.

Утром Артём открыл глаза, увидел меня на подоконнике и сразу посмотрел на дверь.

— Всё тихо, — сказала я.

— Доброе утро.

— Сегодня двадцать восьмое декабря.

— И?

— У тебя день рождения.

Он нахмурился, посчитал что-то про себя.

— Точно.

Я протянула фенечку.

— Нормального подарка здесь не найти.

— А это ненормальный?

— Самодельный.

Артём взял её двумя пальцами. Рассмотрел узор, потянул концы.

— Крепкая.

— Дай руку.

Он протянул левое запястье. Я завязала два узла и проверила, чтобы нить не давила на кожу.

— Не жмёт?

— Нет.

— Тогда с днём рождения.

— Спасибо.

Он произнёс это без привычной насмешки, и я вдруг не знала, куда деть руки. Артём спас меня тем, что первым натянул рукав и сразу начал проверять, не цепляется ли нить за манжету. Подарок превратился в практическую задачу. С такими вещами он обращался лучше, чем с благодарностью.

Больше он ничего не сказал. Натянул свитер осторожно, придерживая подарок большим пальцем, чтобы рукав не зацепил золотистую нить.

После полудня облака разошлись. Мы вышли за продуктами и пошли дворами, избегая широких улиц. Петербург скрипел под ногами песком и солью. В водосточных трубах стоял лёд. С крыш свисали прозрачные наросты; внутри каждого медленно двигался пузырёк воздуха.

В Лопухинском саду на голых ветках прыгали воробьи. Они держались ближе к земле, подбирали семена из-под снега и разлетались при каждом резком звуке. Над рекой птиц было меньше. Там ветер не оставлял им спокойного места.

Я вышла к парапету. Воздух ударил в лицо, выжал влагу из глаз. На открытой воде свет лежал длинной медной полосой. Льдины входили в неё и на несколько секунд становились прозрачными по краям.

Артём остановился рядом. Солнце вышло из-за облака, низкое, зимнее.

— У тебя волосы рыжие, — сказал он.

— Мы их красили.

— В комнате они тёмные. Здесь рыжие.

Он поправил пустую оправу и снова посмотрел на реку.

— Ветер сильный.

— Это ты сейчас сменил тему?

— Да.

Я убрала волосы под шапку. Улыбаться не стала. Ветер всё равно заметил бы.

К вечеру Артём подключил ноутбук к открытой сети кафе на первом этаже. Старую страницу сообщений открыл через браузер. Мать написала ещё утром:

«Ты куда пропал? Почему не звонишь?»

Он набрал ответ:

«Мам, прости. Со мной всё нормально. Я не один».

Ответ пришёл почти сразу:

«Покажи».

Артём посмотрел на меня.

— Мать не верит.

— В то, что ты жив?

— Что я не один.

Он развернул ноутбук и посадил меня у пустой стены. В кадре остались только я, белая штукатурка и край спинки стула. Ни окна, ни реки, ни улицы.

— Можно? — спросил он.

Я кивнула.

Артём сделал снимок встроенной камерой, обрезал край стула и отправил.

Мать ответила:

«Ну ты и зараза. Сам хоть цел? Девушке привет. И чтобы ел нормально».

— Она всегда так пишет? — спросила я.

— Когда волнуется.

— Хорошо.

— Утомительно.

— Всё равно хорошо.

Он закрыл страницу и удалил снимок с ноутбука.

— А тебе кто-нибудь пишет? — спросил Артём.

— Нет.

— Совсем?

Я посмотрела на выключенный экран.

— У меня никого не осталось.

Он не стал спрашивать.

— Можешь писать мне, — сказал он.

— Ты сидишь в двух метрах.

— Значит, отвечу быстро.

— Зараза.

— Семейное прозвище.

Вечером мы работали с тетрадью. Артём выписывал даты и координаты без комментариев. Я проверяла расчёты, искала повторяющиеся интервалы. Между записями 2008 и 2039 годами обнаруживался сдвиг в одиннадцать минут, но только после упоминаний ядра ARK-01. Этого было мало для вывода и достаточно, чтобы не уснуть.

Второй день прошёл без новостей. Снег прекратился. Вороны спустились во двор и ходили между машинами, проверяя пакеты у мусорных баков. По утрам над рекой висел пар. К полудню его разрывал ветер, и на другой стороне проступали красные стены домов.

Артём почти не говорил. Ел, считал маршруты, иногда засыпал прямо над тетрадь. Фенечку не снял. Когда мыл руки, держал запястье выше воды.

На третье утро я проснулась одна.

Сначала услышала комнату: дребезжание рамы, трубу в стене, шаги этажом ниже. Потом увидела пустой стул. Куртки Артёма не было. Обуви у двери тоже.

Я проверила ванную и кухню. Вернулась к окну. Двор был пуст, только ветер двигал чёрный пакет вдоль ограды.

Пальцы сами нашли внутренний карман. Я удержала их там и досчитала до двадцати. Потом до сорока.

Замок щёлкнул на сорок шестом.

Артём вошёл с двумя стаканами кофе и бумажным пакетом. Увидел меня, остановился.

— Надо было оставить записку, — сказал он.

— Да.

— Я выходил за завтраком.

— Вижу.

Он поставил всё на стол.

— Пирожки с вишней. Других не было.

— Подойдут.

Я взяла его за левое запястье. Под пальцами были нитки, узел и ровный пульс.

Артём не отдернул руку.

— Не потерял, — сказал он.

— Я проверяла не подарок.

— Знаю.

Я отпустила.

Мы завтракали у окна. Кофе быстро остыл. Вишнёвая начинка вытекала на бумагу, и Артём собирал её краем корки, сосредоточенно, без единой крошки на столе.

Три дня никто не стучал в дверь. Не звонил телефон. По ночам Артём больше не вскакивал от чужих команд, а я не спрашивала, почему.

Вечером третьего дня ветер сменился. Чайки ушли с открытой воды, вороны расселись на антеннах, повернувшись к западу. Над городом собирался новый снег.

Артём долго смотрел на карту, потом сложил её по старым линиям. Золотистая нить на его запястье на секунду поймала свет лампы.

Тишина закончилась раньше, чем он успел это сказать.

Глава 11 МАРШРУТ БЕЗ ВОЗВРАТА

Я достал из кармана два билета.

— Лика, нам пора.

Она посмотрела на часы. Потом на окно. За стеклом уже зажглись фонари, и новый снег стирал следы во дворе.

— Сегодня?

— Отправление в восемнадцать двадцать шесть.

— Я думала, у нас осталось ещё пару дней.

— Осталось два часа.

Тишина закончилась.

До вокзала мы успели сделать всё, что обычно делают люди перед очень плохим решением. Сняли деньги в трёх банкоматах, купили бинты, батарейки, дешёвый фонарь и две бутылки воды. В ломбарде возле Сенной я оставил золотую цепь.

Приёмщик взвесил её, проверил застёжку и назвал сумму вдвое ниже нормальной.

— Давайте.

На улице Лика посмотрела на пустую шею.

— Жалко?

— Да.

— Потом выкупим.

— У нас маршрут без обратного билета.

— Это не значит, что обратной дороги нет.

Я спрятал деньги во внутренний карман. Фенечка на запястье зацепилась за молнию. Лика поправила золотистую нить и отпустила мою руку.

— Теперь не порвётся.

— Уверена?

— Я делала.

На Витебском вокзале людей было больше, чем камер. Семьи тащили коробки с подарками, дети спали на чемоданах, мужчины в мятых куртках уже праздновали наступающий год. Проводница посмотрела на наши документы, на пустую оправу моих очков и пропустила в вагон.

Поезд шёл до Бреста. Дальше начиналась импровизация.

Лика уложила рюкзак под нижнюю полку и села у окна.

— Сколько дней до Женева?

— По расписанию — два.

— А у нас?

— Шесть. Если повезёт.

— Очень обнадеживает.

— Я стараюсь.

Состав дёрнулся. Петербург поплыл назад: жёлтые окна, промышленные заборы, чёрные каналы между сугробами. Потом город кончился. В стекле остались мы и редкие огни вдоль путей.

Беларусь. Ночь.

Границу республики поезд прошёл до Витебска. Снег лежал ровно, без петербургской серой корки. За станциями начинались поля, перелески и деревни с одним фонарём на всю улицу. Дома стояли окнами к дороге. Во дворах темнели сложенные дрова, колодезные журавли, старые тракторы под брезентом.

Плацкарт пах дезинфекцией, курицей в фольге и табаком, который тянуло из тамбура. Напротив нас ехал пожилой мужчина в шерстяной безрукавке. Он сел в Орше, поставил под стол клетчатую сумку и долго устраивал на полке чёрную шапку.

— Куды путь держите? — спросил он.

— В Брест, — ответил я.

— Так и я до Барановичей. Значит, соседи.

Он представился Павлом Степановичем, бывшим путейцем. Ехал к дочери встречать Новый год. Дочь жила в Минске, но праздновала у сватов под Барановичами. Объяснение заняло минут пять и включало людей, которых мы никогда не увидим.

Павел Степанович достал свёрток в полотняной салфетке. Чёрный хлеб, сало, чеснок, два солёных огурца.

— Берите. У дороге голодным быть нельзя.

— Спасибо, мы ели, — сказала Лика.

— А я ж не спрашивал, ели вы чи не. Я кажу: берите.

Она посмотрела на меня.

— Спорить бесполезно, — сказал я.

— Во. Хлопец разумный.

Хлеб был плотный, чеснок тёртый, сало холодное. Я откусил и вспомнил поле, которого здесь не было.

Мне двенадцать. Июль. Дед ведёт меня за деревню, туда, где дорога сначала проходит мимо старого кладбища, потом ныряет в лес. На нём белая кепка, резиновые сапоги до колен и папироса, прилипшая к нижней губе.

Утром я пытался развернуть телегу. Взялся за оглоблю, дёрнул и чуть не оставил поясницу во дворе.

Дед посмотрел, придавил тапком брошенные грабли.

— Пороха в тебе мало, сынку.

— Она тяжёлая.

— А шо ты хотел? Там триста кило. Треба спину иметь, а не гонор один.

Он взял оглоблю одной рукой и развернул телегу.

— Грабли бери. Покосимо — поглядишь, откуль сила берётся.

К обеду ноги у меня гудели. Мы дошли до дальнего поля, выгнали из леса упрямую корову и свалились на покрывало. Я попросил «Сникерс». Дед сказал, что всё предусмотрел.

В чёрном платке лежал бородинский хлеб, натёртый чесноком, и сало.

— Это не «Сникерс».

— Поверь, сынку. В моём детстве оно слаще было.

Тогда я не поверил. Сейчас жевал тот же хлеб в ночном поезде и понимал: дед знал, что говорил.

— Не нравится? — спросил Павел Степанович.

— Нравится.

— То-то. Городские сперва нос воротят, а после крошки собирают.

Лика ела медленно. На последнем куске попросила Павла Степановича повторить слово «у дороге».

— Почему не «в дороге»?

— А якая разница? Дорога та же.

— Мне интересно, как речь сохраняет место.

— Речь ничего не сохраняет. Люди сохраняют. Пока говорят — оно и живое.

Он затянул салфетку узлом и убрал остатки в сумку.

В соседнем отсеке праздновали заранее. После одиннадцати двое мужчин пришли искать стаканы и увидели Лику.

— Девушка, а вы чего одна скучаете?

Я встал между ними и столом.

— Она не одна.

Тот, что был выше, качнулся вперёд. Я не двигался. Тело уже выбрало стойку, хотя я его не просил.

Павел Степанович высунулся из-за моей спины.

— Хлопцы, не туды пришли. Идите, пока праздник добрый.

— Дед, тебя не спросили.

— Так и я разрешения не брал.

Проводница появилась раньше, чем разговор успел испортиться. Мужчины ушли, пообещав вернуться. Не вернулись.

Павел Степанович посмотрел на меня и хмыкнул.

— Гляди який. Молчит, а всё сказал.

— Он умеет, — сказала Лика.

— Не умею.

— Вот и договорились.

Перед Барановичами старик надел шапку, пожал мне руку и Лике кивнул отдельно.

— Шоб дорога вывела. И не спешите там, где не знаете броду.

— Спасибо за хлеб, — сказала Лика.

— Хлеб вернёте другому. Мне не треба.

Новый год. Граница.

В 00:09 поезд стоял перед Брестом. За окном тянулось чёрное поле, мокрый снег пересекал свет прожекторов. Пограничники шли вдоль вагонов. В соседнем купе тихо звякнули стаканы, кто-то сказал: «С Новым годом», и никто не ответил хором.

Лика спала, подложив куртку под щёку. Будить её я не стал.

Пограничник взял паспорт, посмотрел на фотографию, потом на меня. Снял пустую оправу.

— Зачем без линз?

— Так дешевле.

Он не оценил. Проверил страницу на свет, провёл пальцем по шву, сравнил подбородок, уши, расстояние между глазами.

Человек в руках системы занимал одну страницу.

Фамилия. Дата рождения. Номер. Лицо.

Я смотрел на его пальцы и вспомнил другие.

Длинные, сухие, шершавые. Прадед Адам лежал на печи в старом доме под Гомелем. Глаза затянула мутная плёнка, и лица он узнавал ладонями.

Дед посадил меня к себе на колено.

— Внука привёз.

Прадед повернул голову на голос.

— Можно потрогать?

Дед рассмеялся:

— А коль не можно?

Адам провёл руками по моим щекам, лбу, волосам.

— Большой уже.

— Так не большой. Чуть больше года.

На запястье прадеда были выбиты цифры.

06724.

В детстве я не понимал, что они означают. Позже спрашивать было некого.

Пограничник вернул паспорт.

— Счастливого пути.

Я надел очки.

За окном Беларусь медленно уходила назад. Я вспомнил ещё одну семейную фразу — дед говорил её над ватным одеялом, когда забирал меня из роддома. Это тоже было чужое воспоминание, собранное из фотографии и рассказов.

— Гарные мужики будут.

Поезд дёрнулся. Впереди зажглись огни Тереспоя.

Польша. Рассвет.

В Тереспое нас проверили ещё раз. Польский пограничник говорил по-русски медленно, выбирая слова. Спросил цель поездки, адрес гостиницы, сколько денег везём.

— Туризм, — ответил я.

Он посмотрел на наши рюкзаки.

— Зимой?

— Дешевле.

Это объяснение ему понравилось больше очков.

Мы сошли после границы и не поехали дальше на том же составе. У вокзала уже работал маленький буфет. За стеклом стояли бутерброды с ветчиной, яйца, сыр и тарелка пончиков в сахарной пудре. Купили чай и горячий журек в пластиковых мисках. Кислый суп пах копчёной колбасой и майораном.

— Соль, жир, горячая жидкость, — сказала Лика. — Правильная еда после бессонной ночи.

— Можно просто сказать, что вкусно.

— Вкусно.

Из Тереспоя ушли местным автобусом. Дальше ехали короткими отрезками и платили наличными. Польша за окном была плоской и влажной. На полях стояла вода, в канавах лежал старый снег. Между голыми ивами появлялись придорожные каплички: белые, голубые, кирпичные. Внутри — Мадонна, цветы из ткани, лампада под стеклом.

— Их ставят возле домов, перекрёстков, полей, — сказала Лика. — Частные точки памяти.

— Камеры тоже ставят на перекрёстках.

— Ты умеешь испортить любой пейзаж.

— Работа такая.

Под Бялой-Подляской автобус высадил нас у заправки. До следующего транспорта пришлось идти семь километров вдоль просёлочной дороги. Ветер шёл по полю без препятствий. Снег превратился в дождь и быстро промочил обувь.

Лика начала прихрамывать, но сказала об этом только тогда, когда мы остановились под навесом закрытого магазина.

— Сними кроссовок, — сказал я.

— Я сама.

— Я не лечить собираюсь. Посмотреть.

— Тем более сама.

На обеих пятках кожа была стёрта до крови. Лика промыла ссадины, высушила ноги бумажными салфетками и заклеила пластырем.

— Врач, который пошёл через Европу в городской обуви, — сказал я.

— Аналитик, который не включил обувь в список рисков.

— Один — один.

До Варшавы нас довёз курьер на белом фургоне. Город обошли по окружной дороге. Я видел только высотки за шумозащитными экранами, красно-белые флаги у заправок и мокрые трамвайные провода. К вечеру добрались до стоянки грузовиков западнее Лодзи.

Ночевали в круглосуточном кафе. Лика сидела, положив ноги на рюкзак. Я караулил по два часа, потом она заставила меня лечь.

— Если не поспишь, начнёшь ошибаться.

— Уже начал.

— Тогда тем более.

Под утро польский дальнбойщик нашёл нам машину до немецкой границы. За услугу взял половину наличных, которые мы собирались потратить за день. Торговаться я не стал.

Германия. Дождь.

Граница осталась дорожным знаком. Ни шлагбаума, ни людей в форме. Только язык на указателях сменился, асфальт стал темнее, а вдоль полей появились ветровые турбины.

На стоянке под Лейпцигом нас подобрал Рудольф — баварец лет пятидесяти на старом грузовом «Мерседесе». Он возвращался с сельскохозяйственной ярмарки и вёз пустые ящики, рулоны сетки и запах сена, въевшийся в кабину.

Рудольф говорил по-английски громко, будто громкость помогала грамматике. Лика отвечала спокойно и переводила мне, когда он слишком увлекался.

За окном шли города с красными черепичными крышами, поля рапса под зимней стернёй, склады, шпилы и целые скаты солнечных панелей.

— Старые дома, новая энергетика, — сказала Лика. — Они не снесли одно ради другого.

Рудольф услышал слово «энергетика» и спросил, инженеры ли мы.

— Биофизик, — ответила Лика. — Он работает с числами.

— Банковскими, — добавил я.

— Тоже опасная наука, — решил Рудольф.

Он рассказал о ферме, где три поколения его семьи выращивали яблоки и держали коров. Каждый год погода ломала расчёты по-новому. Лика спросила о почве, периодах цветения и болезнях деревьев. Через полчаса они обсуждали датчики влажности и почему модель не отличает поздний заморозок от обычной холодной ночи.

Я слушал. Лика впервые за несколько дней говорила дольше двух предложений подряд. Не о снах, не о «Пороге», не обо мне.

На парковке южнее Франкфурта Рудольф разложил спальник за сиденьями, а нам отдал два старых одеяла.

Дождь барабанил по крыше кабины. Фуры приходили и уходили, двигатели запускались один за другим. Мы сидели в кузове между пустыми ящиками.

— Спасибо, — сказала Лика.

— За одеяло?

— За то, что представил меня биофизиком.

— Ты биофизик.

— В последние месяцы об этом легко забыть.

— Тогда запиши в тетрадь.

Она прислонилась затылком к борту.

— Ты всё превращаешь в запись?

— Так меньше шансов, что оно исчезнет.

— А если запись останется, а человек изменится?

— Значит, будет доказательство, что раньше он был другим.

Лика долго слушала дождь.

— Твой дед говорил так же?

— Дед не записывал. Он делал.

— Ты вспоминал его в поезде.

— Было заметно?

— Ты произнёс «пороха мало» вслух.

— Хорошо, что не весь разговор.

— Расскажешь?

Я рассказал про телегу и дальнее поле, про хлеб с салом вместо шоколада, про прадеда Адама и цифры на его руке.

Ли́ка не перебивала.

— Ты уверен, что был в том доме? — спросила она.

— Нет. Мне было чуть больше года. Часть рассказали, часть я увидел на фотографиях.

Остальное мозг собрал сам.

— Тогда почему считаешь это памятью?

— Потому что, когда вспоминаю его руки, у меня чешется щека.

Она кивнула.

— Для мозга источник воспоминания важен. Для человека — не всегда.

— Иногда память вообще живёт не в картинке, — продолжила Ли́ка. — Она остаётся в том, как человек поворачивает ключ, режет хлеб или проверяет окно перед сном. Ты можешь забыть голос деда и всё равно повторять движение его рук. Это не делает воспоминание ложным. Просто тело хранит его без подписи.

Я посмотрел на собственные пальцы. Они держали кружку так же, как дед держал алюминиевую чашку на фотографии: большой палец сверху, два снизу, остальные свободны. Раньше я этого не замечал.

— Теперь звучит менее научно.

— Я стараюсь.

— Очень научно.

— Это была попытка тебя поддержать.

— Попробуй ещё раз потом.

— Непременно.

Утром Рудольф свернул к своей деревне у северной кромки Шварцвальда. Виноградники поднимались по склонам ровными голыми рядами. Между ними лежал туман. Дома стояли тесно, белые стены пересекали тёмные деревянные балки.

Мать Рудольфа, фрау Хильда, накормила нас картофельным супом и заставила снять мокрую обувь. Узнав о стёртых пятках, принесла ботинки, оставшиеся после старшего сына.

— Велики, — сказала Ли́ка.

— Носки, — ответила Хильда и положила рядом две шерстяные пары.

Перевод не понадобился.

До вечера мы спали в сарае на сухом сене. Проснулся я от света, прошедшего по щели в воротах.

На дороге стоял чёрный микроавтобус. Фары выключены. Двое мужчин разговаривали с Рудольфом у калитки. Один держал планшет, второй показывал распечатанные фотографии.

— Ли́ка.

Она открыла глаза сразу.

— Нашли?

— Или ищут очень похожих людей.

Мы надели ботинки, забрали рюкзаки и вышли через заднюю дверь. За садом начинался лес.

Первые двадцать минут шли быстро, потом побежали. Земля под листвой раскисла. Ветки били по лицу, вода стекала за ворот. С дороги дважды донёсся звук двигателя.

Ли́ка дышала ровно, пока подъём не стал круче. Потом остановилась, упёрлась ладонью в ствол.

— Минута.

— Тридцать секунд.

— Щедро.

Я смотрел назад. Между деревьями света не было.

— Идём.

К полудню вышли к другой дороге. Чёрный микроавтобус не появился. От фермы нас отделяло восемь километров леса и одна испорченная благодарность.

Швейцария. Горы.

Рудольф собирался везти нас к Базелю. Остаток пути пришлось собирать заново: автобус до Рейна, пешком через мост вместе с утренними рабочими, затем электричка на юго-запад. На вокзалах мы не задерживались. Билеты покупали в автоматах, вагоны меняли до конечной.

Швейцария началась без границы. Поезда ходили почти бесшумно. На станциях часы показывали одно время до секунды. За окнами проходили виноградники, серые озёра, деревни с зелёными ставнями и колокольнями, которые появлялись раньше домов.

К вечеру на западе поднялась Юра. Не зубчатая стена Альп, а длинные лесистые хребты. Известняк проступал из склонов светлыми рёбрами. Снег лежал выше деревень и в тенях оврагов.

— Камень здесь старше самих гор, — сказала Лика. — Известняк юрского периода. Вода уходит в трещины, размывает его, оставляет пещеры и пустоты.

— Удобно для тайной лаборатории.

— Или для вещи, которую приняли за лабораторию.

Последний автобус высадил нас у закрытой канатной станции. Координаты находились по другую сторону хребта. Дорога туда зимой не обслуживалась.

Мы пошли вверх.

Сначала тропа шла между пастбищами. Из-под снега торчали ограды, каменные поилки, жёсткие стебли травы. Потом начался еловый лес. Ветер проходил над кронами, а внизу было тихо. С веток падали комья снега и разбивались о землю.

Новые ботинки натирали Лике щиколотки, но пятки держались. Через час она остановила меня у ручья. Вода шла под тонким льдом, чистая, с голубым оттенком.

— Пить.

— Я не хочу.

— На холоде жажду чувствуешь позже. Это не значит, что вода не нужна.

Она наполнила бутылки через фильтр, достала орехи и последнюю плитку шоколада. Разломилась не по линии: мне досталась большая половина.

— Ошиблась, — сказал я.

— Уже поздно.

Мы сидели на поваленной ели. Снизу тянуло холодом, смола пахла даже зимой. Между стволами виднелась долина: белые поля, тонкая железная дорога, озеро, слившееся с небом.

— Почему ты поехала? — спросил я.

— Мы уже обсуждали.

— Нет. Ты сказала, что в тетради твоё имя.

— Этого недостаточно?

— Для шести дней дороги — нет.

Лика покрутила бутылку в руках.

— Я слишком долго наблюдала, как другие люди принимают решения о чужой жизни и называют это процедурой. Сначала они объясняют, что риск допустим, потом — что выбора всё равно не было, а в конце заполняют форму, где человек помещается в одну строку. Я поехала не потому, что доверяю твоей тетради или тебе больше, чем следует. Мне хотелось хотя бы раз присутствовать при решении, которое касается моей жизни, и не узнать о нём из чужого отчёта.

— Очень длинный ответ.

— Ты просил настоящий.

— Ладно.

— А ты?

— Мне не нравится, когда моим почерком пишут без меня.

— Короткий ответ.

— Других нет.

Она посмотрела на фенечку, выглядывающую из-под рукава.

— Нить держится.

— Я же говорил: крепкая.

— Это я говорила.

— Значит, кто-то из нас был прав.

Подъём продолжался до темноты. Тропа пропала под свежим снегом. Я сверял направление по компасу, Лица — по рельефу на карте. Когда мы расходились, шли по её варианту. Мой дважды заканчивался обрывом.

На привал встали под известняковым навесом. Открытого огня не разводили. Съели остатки орехов, подержали бутылку под курткой, пока вода перестала ломить зубы, и завернулись в одеяла Рудольфа.

Ночью температура упала. Камень отдавал холодом через коврик. Я просыпался каждый час, проверял часы, вход в укрытие и дыхание Лики.

Около трёх она открыла глаза.

— Опять считаешь?

— Да.

— Что на этот раз?

— До координат три километра. До рассвета четыре часа. Еды нет. Воды полбутылки.

— Ты забыл шоколад.

— Шоколада тоже нет.

— Тогда расчёт полный.

Ветер ударил по хребту. Сверху посыпалась снежная пыль.

— Артём, если там ничего нет, что ты будешь делать?

— Спущусь.

— А потом?

— Придумаю другой плохой план.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Ты оставил себе «потом».

Она закрыла глаза.

Я ещё долго слушал ветер и вспоминал деда. «Не спеши там, где броду не знаешь». Это сказал Павел Степанович, но голос в памяти уже принадлежал другому человеку.

Утром снег прекратился, и из тумана выступил серый, неожиданно близкий хребет, за которым лежали координаты Талла.

Я сложил карту. Обратный путь на ней не был отмечен.

Глава 12 КРОВЬ НА КАМНЕ

К вечеру мы вышли к скале.

Серая известняковая стена уходила вверх и терялась в облаке. Снег у её подножия лежал ровно. Ни тропы, ни следов, ни хотя бы железки, за которую можно зацепиться взглядом. Координаты указывали сюда.

Вблизи скала оказалась не цельной. Вода веками входила в трещины, замерзала и раздвигала камень; поверхность была испещрена тонкими каналами, раковинами и белыми прожилками кальцита. Я провёл перчаткой по стене. Обычный известняк крошился бы под пальцами, здесь же край трещины оставался острым, хотя по нему стекали талые ручьи.

Лица присела у основания и расчистила снег. Под ним не было осыпи — ни мелких камней, ни песка, который неизбежно скапливается под такой стеной. Скала старела, но ничего не теряла.

— Облицовка? — спросил я.

— Если да, она повторяет структуру породы глубже, чем видит прибор. Или порода выросла вокруг неё.

— Мне нравился вариант с дверью и ручкой.

— Он был бы менее убедительным.

Я проверил навигатор. Потом карту. Потом тетрадь.

— Если ты сверишь ещё раз, скала не сдвинется, — сказала Лица.

— Зато выяснится, кто из нас ошибся.

— И кто?

— Все.

Она сняла перчатку и провела ладонью по камню. Пальцы покраснели от холода.

— Здесь теплее.

— На сколько?

Лица достала из бокового кармана маленький инфракрасный термометр. Экран моргнул, показал минус девять, потом минус два.

— На семь градусов. Полоса шириной около метра. Смотри.

Я ничего не увидел. Тот же камень: трещины, ледяная корка, чёрные потёки. Лица опустилась на колено, расчистила снег у основания и постучала рукояткой ножа. Первые удары вышли звонкими. Третий — глухим.

— Пустота, — сказала она.

— Или другой состав породы.

— Не порть мне открытие.

Мы работали по очереди. Сначала ножом, потом ледорубом. Камень крошился неохотно. Через двадцать минут я перестал чувствовать пальцы. Ещё через десять под серой коркой показался металл.

Не дверь. Крышка размером с почтовый ящик, утопленная в скалу. По краю шёл резиновый уплотнитель. Металл не заржавел.

Лица очистила поверхность щёткой. В правом углу проступила маркировка:

M. THALL

Ниже — четыре ряда цифр. Часть стёрта, часть я видел в тетради. Они годами стояли между списком покупок и чужой схемой, которую я принимал за испорченный чертёж.

— Нашёл? — спросила Лица.

— Похоже.

— Не люблю это слово.

— Я тоже.

Панель приняла последовательность не сразу. После третьей ошибки внутри щёлкнуло. Я отдернул руку.

— Очень научный подход, — сказала Лика. — Ты напугал замок.

Крышка вышла из паза на несколько миллиметров. Изнутри пахло сухим воздухом и старой пластмассой.

В капсуле лежали три вещи: герметичный пакет с медицинским знаком, плитка шоколада в выцветшей обёртке и чёрный контейнер.

Я взял шоколад.

— У нас же его нет, — сказала Лика.

— Теперь есть.

— Талл предусмотрел всё.

— Срок годности закончился лет двадцать назад.

— Почти всё.

Контейнер весил меньше, чем выглядел. На крышке не было ни петли, ни кнопки. Только круглая выемка в центре. Я приложил большой палец. Ничего.

Лика забрала контейнер, согрела выемку дыханием и снова приложила мой палец.

По краю пробежала синяя линия.

— Почему мой? — спросил я.

— Потому что имя Талла записано твоей рукой. Потому что координаты были у тебя. Потому что в каждой плохой истории замок узнаёт именно того человека, которому не стоило его открывать.

— Убедительно.

Крышка разошлась на четыре лепестка.

Внутри лежал кристалл. С ладонь длиной, мутно-белый, с синими прожилками. Свет не отражался от него, а проходил в глубину и задерживался там. Я наклонил контейнер. Кристалл остался на месте.

— Пьезоэлектрик? — спросил я.

— Не знаю.

Лика поднесла термометр. Экран погас.

Следом погас мой телефон.

Сначала я решил, что сел аккумулятор. Потом пропал ветер.

Он не стих. Секунду назад бил в спину, рвал капюшон и гнал снег по склону. Теперь снежинки висели в воздухе у самой границы света. Дальше они падали. Здесь — нет.

Я сказал Лике отойти.

Губы сработали. Голоса я не услышал.

Она ответила. Тоже беззвучно.

Я ударил ледорубом по камню. Отдача прошла в кисть, звука не было. Даже дыхание исчезло. Остались толчки крови в висках и слабый хруст в шее, когда я повернул голову.

Лика схватила меня за рукав и показала на компас. Стрелка дрожала между севером и западом. Механические часы на её запястье шли.

Значит, время не остановилось.

Уже неплохо.

— Отличная попытка, Старшой. Правда надеешься изменить свою судьбу?

Голос не пришёл через воздух. Он возник сразу в голове — чистый, без расстояния.

Я повернулся.

На валуне в пяти шагах от нас сидел человек в обгоревшем штурмовом доспехе. Левая пластина груди была продавлена. Через трещины в броне проходил тот же синий свет, что жил в кристалле. Забрало расколото, но лицо за ним закрывала темнота.

Я уже видел его.

Не здесь. В коридорах, которых не существовало на наших картах. В красном свете аварийных ламп. В повторяющемся сне, где кто-то удерживал дверь, пока за ней кричали люди.

Ли́ка встала рядом. Фенечка выскользнула из-под рукава, когда она сжала моё предплечье.

— Кто ты? — спросил я.

Я не услышал себя, но фигура ответила.

— Здесь меня называли Уриилом.

— Здесь — это где?

Он посмотрел на камень под ногами.

— Между сигналом и ответом.

Ли́ка подняла контейнер.

— Это твой передатчик?

— Я не передаю. Меня собирает заново каждый раз, когда открывают капсулу.

— Из чего?

— Из того, что успело записаться.

Ли́ка сделала полшага к нему. Синий свет в прожилках усилился. Фигура на валуне стала плотнее.

— Информационный слепок, — сказала она.

— Удобное слово. Не придётся решать, живой ли я.

— А ты живой?

— Мне больно. Для начала хватит.

Кристалл нагрелся. Ли́ка едва не выронила контейнер. По внутренней поверхности крышки пошли цифры:

КОНТУР: НЕ ОПОЗНАН СИНХРОНИЗАЦИЯ: 3%

— Артём, отойди от него.

Её голос тоже пришёл изнутри. Тише, чем голос Уриила, и с помехами.

— Я не трогал кристалл.

— Ему всё равно. Он выбрал носителя.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 7%

В правом глазу лопнул сосуд. Мир окрасился красным с одного края. Я моргнул — и увидел не скалу.

Узкий коридор. Аварийный свет. На полу человек, прижатый к стене ударной волной. Чьи-то руки затягивают жгут. Руки в чёрных перчатках, на правой прожжена ткань.

Чужое дыхание било мне в грудь.

«Ещё двое внутри».

«Шлюз не выдержит».

«Тогда закройте с моей стороны».

Камень вернулся под ноги. Я стоял на коленях. Ли́ка держала меня за куртку.

— Что ты видел?

— Коридор.

Уриил поднялся с валуна. Доспех держался на нём плохо. Правая рука пропадала от локтя и появлялась снова, когда синий свет проходил по кристаллу.

— Закрой контейнер, — сказал он.

Ли́ка нажала на лепестки крышки. Они не сдвинулись.

— Он заблокирован.

— Тогда разбей кристалл.

— Что произойдёт с тобой?

— Перестану повторяться.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Я поднялся. Ноги держали, хотя тело считало иначе.

— Что такое GORD?

Уриил повернул шлем ко мне.

— Причём здесь он?

— В тетради Талла одно слово встречается чаще остальных. Оно ведёт к этой скале. Ты назвал меня Старшой. Значит, видел то, чего я не помню. Отвечай.

Синий свет в броне дрогнул.

— GORD не машина, — сказал он. — Машины только добираются до него. «Ковчег», «Порог», ваши доспехи — костыли. Они удерживают человека рядом с принципом достаточно долго, чтобы тот успел сделать запрос.

— Какой запрос?

— На изменение.

Лица смотрела на цифры.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 11%

— Изменение материи? — спросила она.

— Носителя. Представь множество состояний одного человека. Не фантазии. Физически допустимые варианты, связанные общей причиной. GORD находит тот, в котором запрос уже выполнен, и заставляет систему признать его текущим.

— Выбор ветви?

— Грубее. При выборе ветви наблюдатель остаётся собой. Здесь непрерывность не гарантирована.

— Тогда это не изменение, — сказала Лица. — Это замена.

— До вас обычно доходит позже.

Я вспомнил Леви. Чужую уверенность в его движениях. Память, которая входила без стука и оставляла после себя боль.

— Он прошёл через GORD?

— Леви думал, что прошёл.

— А на самом деле?

— Спроси у того, кто вернулся вместо него.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 16%

Зрение снова провалилось.

Я стоял внутри круглого зала. В центре висела чёрная точка, окружённая кольцами аппаратуры. Люди за стеклом закрывали лица руками. Один продолжал работать. Его броня уже горела изнутри.

Пол ушёл. Свет вытянулся в длинные нити.

Я почувствовал все варианты сразу.

В одном он успевал добежать до шлюза. В другом погибал у пульта. В третьем успевал вывести двоих и возвращался за остальными. В четвёртом дверь закрывалась на секунду раньше. В пятом — на секунду позже.

Финал не менялся.

Каждый раз он оставался внутри.

Каждый раз тьма доходила до него.

Каждый раз всё начиналось снова.

— Хватит, — сказал я.

Мои губы не двигались. Он услышал.

— Это и есть синхронизация, Старшой. Ты хотел ответы.

— Не такие.

— Других у нас нет.

Ли́ка ударила контейнером о камень. Раздалась вибрация, которую я почувствовал зубами. На кристалле не осталось царапины.

— У тебя пульс сто шестьдесят, — сказала она. — Температура растёт. Если связь пойдёт дальше, я не знаю, что она запишет поверх тебя.

— Он знает.

Уриил стоял уже рядом. За расколотым забралом по-прежнему ничего не было.

— Я знаю, что останется не всё.

— Ты предупреждаешь или угрожаешь?

— Пытаюсь хотя бы один раз не отправить человека туда, откуда сам не вышел.

Он протянул руку к кристаллу. Пальцы прошли сквозь крышку. Синий свет дёрнулся, и синхронизация упала до двенадцати.

Уриил согнулся. На броне открылась старая пробоина. Из неё не пошла кровь — только темнота.

Я увидел ещё один фрагмент.

Не зал. Не коридор.

Лицо за поднятым забралом.

Всего один кадр. Этого хватило.

Я знал его.

Связь оборвалась так резко, что меня вырвало на снег. Ли́ка опустилась рядом, удержала за плечи и дождалась, пока я снова смог дышать.

— Артём. Кто там был?

Я вытер рот рукавом.

— Уриил.

— Я не про имя. Что ты увидел?

Он стоял за её спиной и смотрел на меня через треснувшее стекло.

— Как он погиб.

Про лицо я не сказал.

Ли́ка поняла, что дальше я не скажу. Спорить не стала.

— Нужно уничтожить кристалл, — сказала она. — Если он прав.

— А если нет?

— Тогда мы потеряем единственный носитель данных.

— Я не про данные.

Она посмотрела на Уриила.

— Мы не знаем, что держит его здесь. Кристалл может быть тюрьмой. Может — единственным местом, где он ещё существует.

— Поэтому разбить проще.

— Проще — не значит правильно.

— Это ты сейчас мне говоришь?

— Запомни дату.

Уриил поднял руку. Его изображение раздвоилось.

— Вы оба не понимаете. Зона подавления прячет сигнал от Хеш-Танов. Пока кристалл закрыт, здесь тихо. Вы его разбудили. Теперь они услышат.

— Кто такие Хеш-Таны? — спросила Ли́ка.

— Те, кому не нужен GORD. Они уже научились жить после замены.

— Сколько у нас времени?

— У меня его нет. У вас — пока снег снова не начнёт падать.

Я посмотрел на границу зоны. Снежинки висели стеной. Одна прошла внутрь и медленно опустилась на камень.

Ли́ка открыла медицинский пакет. Внутри лежали ампулы, старый инъектор, скальпель и две тонкие пластины с контактами.

— Талл оставил интерфейс, — сказала она. — Значит, предполагал синхронизацию.

— Или хотел, чтобы мы так подумали.

— Тоже возможно.

На одной пластине проступила надпись после того, как Ли́ка согрела её ладонью:

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ЯКОРЬ

— Не нравится мне это, — сказала она.

— А мне название понравилось.

— Я серьёзно. Якорь удерживает не только корабль. Иногда он тащит его на дно.

Уриил засмеялся. Беззвучно. Я понял по движению плеч.

— Она умнее тебя, Старшой.

— Это не новость.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 9%

Цифра снижалась. Вместе с ней Уриил терял плотность. Свет больше не доходил до левой половины доспеха.

— Если связь обнулится? — спросил я.

— Засну.

— До следующего открытия?

— Если от меня что-нибудь останется.

— А якорь?

Он не ответил.

Ли́ка прочитала мелкие строки на обратной стороне пластины.

— Биологическая среда, совместимая с контуром. Запись в обе стороны. Ограничителя глубины нет.

— По-русски.

— Твоя кровь даст системе опорный сигнал. Она сможет закрепить его структуру в тебе.

И его — в твоей.

— Сколько?

— Этого здесь нет.

— Значит, немного.

— Именно так обычно погибают мужчины.

Я взял скальпель.

Ли́ка перехватила моё запястье.

— Ты только что услышал, что GORD заменяет людей. И решил пустить неизвестную структуру себе в голову.

— Она уже там.

— Это не аргумент.

— Другого нет.

Она сжала руку сильнее. Фенечка коснулась моей кожи.

— Что ты не договариваешь?

Перед глазами снова возникло лицо за поднятым забралом. Я убрал его туда же, где лежали чужие коридоры, принцесса из тетради и девочка за стеклом. Не потому, что не доверял Ли́ке. Потому что некоторые вещи, сказанные вслух, перестают принадлежать тебе.

— Потом, — ответил я.

— Ненавижу это слово.

— Я тоже.

Уриил рассыпался на полосы света. Синхронизация упала до пяти процентов.

— Разбейте кристалл, — повторил он. — И бегите.

— Ты хочешь умереть? — спросил я.

— Я уже умер.

— Нет. Ты умираешь каждый раз. Я видел.

Он замер.

— Тогда ты видел достаточно.

— Именно.

Я высвободил руку. Лица могла остановить меня. Не остановила. Только развернула пластину контактами вверх и поднесла к кристаллу.

— Один раз, — сказала она. — На первом признаке потери личности я разрываю контур.

— Как ты определишь?

— Задам вопрос, ответ на который знаешь только ты.

— Какой?

— Вот и проверим.

Скальпель был острым. Холод металла. Потом жжение.

Кровь собралась в ладони.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 2%

Уриил почти исчез. Остался шлем и одна рука, протянутая не ко мне — к выходу из зоны.

Он всё ещё пытался нас выгнать.

Я положил окровавленную ладонь на пластину.

— Уриил, я не дам тебе умереть.

— Старшой

— Хоть раз помолчи.

Кровь прошла между контактами и коснулась кристалла.

Синий свет ударил вверх.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 19%

Лица что-то крикнула.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 41%

Скала раскрылась. За ней были ангар, чёрный доспех и человек, который ждал меня по ту сторону памяти.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 67% 68%

Мир исчез.

Глава 13 ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Мир не вернулся вместе со зрением.

Сначала появился вес — тяжесть собственного тела, хотя тела у меня ещё не было. Потом пришёл холод: не горный, а сухой, металлический. Я попытался вдохнуть и не понял, получилось или нет.

— Уриил?

Ответа не было.

В темноте проступили тонкие линии, пересеклись и разбили пустоту на плоскости. Следом возникли пол, стены и высокий свод с погашенными секциями света. Пространство собиралось без спешки: сначала крупные детали, затем пыль на металлическом настиле.

Я оказался в ангаре.

Шестьдесят метров до дальней стены. Двадцать четыре светильника под потолком, работали девять. Два выхода. Камеры в углах. Воздух шёл через левую вентиляционную решётку и пах озоном, машинным маслом и антисептиком.

Я не считал — цифры уже были в голове.

На платформе стоял чёрный каркас доспеха. Узкие плечи казались шире из-за сложенных секций на спине. Руки опущены, голова наклонена. Не экспонат. Машина ждала.

«Валькирия» — название пришло вместе с узнаванием. Я видел её во сне отдельными частями, в дыму и красном аварийном свете; теперь она стояла передо мной целиком.

Я сделал шаг.

Нога отозвалась тяжестью брони. Правая была моей и не моей; левая ощущалась иначе: движение оставалось точным, но усилие запаздывало на долю секунды. Я поднял руки.

Правая была человеческой. Коротко подстриженные ногти, сбитые костяшки, старый шрам у большого пальца.

Левая — белый полимер и тёмный металл в суставах.

Я попытался разжать пальцы. Искусственная кисть выполнила команду раньше, чем я её закончил.

Из динамиков под потолком заговорил механический голос:

— Синхронизация: шестьдесят семь процентов. Шестьдесят восемь. Контур стабилен.

Человек, чьими глазами я смотрел, продолжил идти.

Леви. Имя не прозвучало — я узнал его по боли, которая годами приходила ко мне во сне: тупое давление в плече, фантомные пальцы, сжатые в кулак, которого больше нет. Сейчас боль находилась ближе, и я мог определить точку, где заканчивалась кость и начинался узел крепления протеза.

Леви остановился у платформы.

Правая, живая рука потянулась к интерфейсу. Это было последнее движение, которое он ещё контролировал без посредника.

Я хотел отдернуть её.

Он не позволил.

— Стой, — сказал я.

Губы Леви не шевельнулись. Он меня не услышал или сделал вид.

Ладонь легла на чёрную панель.

Доспех открылся вдоль груди. Внутри не было сиденья, ремней или привычных органов управления. Из полости вышли гибкие контакты. Они нашли точки у основания черепа, вдоль позвоночника и на стыке левого протеза.

Я почувствовал каждый.

Боль включилась сразу, без нарастания. Система проверяла нервные пути короткими импульсами — шея, грудная клетка, правая кисть, таз, стопы, — а искусственная рука молчала.

Леви не издал ни звука.

Его сердце держало пятьдесят восемь ударов в минуту.

Моё било быстрее.

— Обнаружен дополнительный нейронный контур, — сообщил голос. — Идентификация невозможна.

Леви замер.

Теперь он меня услышал.

Валькирия закрылась вокруг него; чёрные пластины сошлись на груди, шее и бёдрах. Мир стал шире и больше не ограничивался тем, что видел человек: я получил изображение с камер за спиной, температуру пола, напряжение в силовых приводах, состав воздуха. За бетонной стеной работал трансформатор, в вентиляции вращался плохо отбалансированный подшипник.

Доспех знал всё это одновременно. Человеческий мозг — нет.

Информация не выстраивалась в очередь. Она приходила вся сразу и требовала одинакового внимания: температура подшипника, положение каждой пластины, расстояние до стен, частота пульса, направление возможного выстрела. Я попытался выбрать хотя бы один показатель, но остальные не исчезли — только отступили на полшага, продолжая давить изнутри. Так, наверное, сходят с ума не от боли, а от невозможности перестать понимать.

Леви умел держать этот поток. Он не глушил данные и не боролся с ними; раскладывал по уровням, оставляя наверху то, что могло убить его в ближайшие секунды. Остальное уходило глубже и ждало. Я почувствовал, сколько лет потребовалось, чтобы это стало привычкой, и впервые понял: Валькирия не заменила ему руку. Она заставила всё тело научиться быть системой.

Меня потянуло в чужую память.

Потолок пустой комнаты. Леви лежит на кровати и считает вдохи. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать. Будильник ещё не звонил.

Холодная вода бьёт в плечи. Он стоит, пока кожа не перестаёт чувствовать температуру.

Запах резины и железа в зале. Противник тяжелее на двадцать килограммов. Захват. Смещение веса. Короткий выход из-под давления. Леви отпускает человека сразу после фиксации.

Ночной бар. Лёд в шейкере. Стаканы выстроены по краю стойки. Девушка спрашивает, здесь ли он. Леви отвечает: «Нет».

Потом белая палата.

Левой руки нет.

Он смотрит на место, где она должна быть, и пытается согнуть пальцы. Фантомная кисть слушается. Реальная простыня остаётся неподвижной.

Женщина в медицинском халате объясняет условия интеграции. Не обещает вернуть утраченное. Предлагает заменить отсутствие системой, которая со временем заберёт больше, чем отдаст.

— Сколько времени? — спрашивает Леви.

— Час. Может, два.

— Согласен.

Он не просит гарантий, и память тут же меняется.

Белый полимер лежит на операционном столе рядом с ним. Инженер касается контактом обнажённого нерва. Леви видит вспышку, но боли ещё нет. Потом она приходит разом и выжигает из головы всё, кроме счёта.

Десять.

Девять.

Восемь.

На пяти он теряет сознание.

Через трое суток новая рука сжимается в кулак. Сервоприводы держат усилие, способное раздробить кость. Леви смотрит на пальцы и ждёт отвращения, страха или хотя бы любопытства.

Не приходит ничего. Леви принимает и это.

— Прекрати, — сказал я.

Не знаю, кому: кристаллу, Валькирии или самому Леви.

— Синхронизация: семьдесят процентов, — ответила система. — Расхождение профилей.

Ангар вернулся. Леви стоял внутри доспеха; его дыхание осталось ровным, но теперь он искал меня. Не глазами — он поочерёдно закрывал внутренние каналы, отсекая камеры, слух и тактические данные, пока в общей темноте не остались два сознания.

Его и моё.

— Кто ты?

Голос был живым. Низким, усталым. Он шёл не из динамиков.

— Артём.

Леви повторил имя беззвучно, проверяя его.

Перед нами вспыхнул мой стол: лампа, тетрадь с разошедшимися датами, карандашный рисунок принцессы на полях. Мои руки листали страницу.

Изображение исчезло.

Следом возникла кухня, где Лика стояла у окна спиной ко мне. На её волосах лежал солнечный свет, и тёмные пряди отдавали рыжим; она повернулась прежде, чем я её позвал.

Это были мои воспоминания.

Леви видел их раньше.

— Ты снова пришёл, — сказал он.

— Куда?

— Сюда.

— Я здесь впервые.

— Для тебя.

Чёрная панель перед глазами вспыхнула.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 68% ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОНТУР: АКТИВЕН

— Когда ты меня видел?

Леви не ответил. Вместо ответа открылся другой фрагмент.

Каменное помещение с проломанным потолком. В проёме двигалось незнакомое небо — слишком быстро для облаков. Леви лежал под обломками, не чувствовал ног и смотрел чужими глазами в тёплую комнату, где я сидел над книгой.

Он пытался докричаться.

Я тогда ничего не услышал.

Только закрыл книгу и долго не мог понять, почему мне не хватает воздуха.

— Это был ты, — сказал я.

— Один из разов.

— Сколько их было?

— Не знаю. Здесь плохо со временем.

Валькирия закончила проверку и сделала шаг с платформы. Леви позволил доспеху принять вес, проверил равновесие, перенёс нагрузку на левую ногу. Всё выполнялось без ошибки.

Моё присутствие система считала ошибкой.

Перед глазами возникла Лика.

Не воспоминание. Настоящая. Она стояла на скале и держала мою окровавленную руку над кристаллом. Губы двигались. Я не слышал слов.

Леви увидел её вместе со мной.

Его пульс сбился всего на один удар. Этого хватило.

— Конфликт распознавания, — объявила система. — Синхронизация: шестьдесят три процента. Шестьдесят один. Пятьдесят восемь.

Экран визора погас. Левая нога заблокировалась, и Валькирия рухнула на колени. Металл ударил по настилу. Из плечевого блока вышел боевой контур, разворачиваясь в сторону источника помех.

В сторону Лики.

Её здесь не было, но машине хватило изображения.

Леви перехватил управление. Я почувствовал, как он гасит собственный страх, снижает частоту дыхания и отдаёт искусственной руке команду зафиксировать плечевой блок.

Я дёрнул тот же канал на себя.

Валькирия получила две взаимоисключающие команды. Сервоприводы взвыли, левое плечо вывернуло назад. Боль прошла через нас обоих: его старая, моя свежая и ещё одна — системная, без тела и источника.

— Не трогай управление, — приказал Леви.

— Она целится в Лику.

— Здесь нет Лики.

— Для системы есть.

Он понял раньше, чем я закончил.

Правая рука Леви вошла под край плечевой пластины. Пальцы нащупали аварийную тягу и рванули. Кожа на ладони разошлась. Кровь попала на чёрный металл.

Боевой контур погас.

— Ручное отключение вооружения, — сообщила система. — Повреждение оператора. Рекомендуются медицинский протокол.

— Отклонить, — сказал Леви.

В его голосе не было героизма — он убирал проблему.

— Ты мог не успеть, — сказал я.

— Успел.

— В следующий раз?

— Следующего не будет.

Он начал закрывать соединение. Память, зрение и боль отступали по очереди. Я попытался удержаться.

— Подожди. Кто запустил связь?

— Не я.

— Тогда кто?

На долю секунды между нами возник третий сигнал — слабый, неровный, без голоса и формы. Осталось только направление, по которому я пришёл сюда.

Уриил.

Я потянулся к нему. Леви ударил по каналу отсечения.

— Не надо.

— Я обещал ему.

— Тогда научись отличать человека от следа, который умеет просить.

— Ты отличил меня?

Леви задержался.

— Нет.

Связь уже рвалась. Ангар распался на отдельные сигналы — холод пола, аварийный свет, кровь на правой ладони, фантомное движение пальцев отсутствующей руки, — а за ними открывалось будущее, которого я ещё не жил.

Леви стоял среди людей в повреждённых доспехах; лиц не было видно. Он называл координаты, распределял боезапас, считал тех, кто отвечал. Потом повторял список без двух голосов, ещё позже — без четырёх.

Он продолжал отдавать команды. Пока отвечал хотя бы один голос, список не был закончен.

— Ты не должен был видеть, — сказал он.

— Почему?

— Теперь ты решишь, что можешь исправить.

— А я не могу?

Он посмотрел на меня из темноты доспеха. Лица я не видел, ощущал только усталость человека, который давно перестал рассчитывать на возвращение домой.

— Не пытайся быть таким же, как я.

— Это не ответ.

— Другого не осталось.

Он разжал руку.

Мир вернулся ударом.

Воздух вошёл в лёгкие и сразу вышел. Я лежал на камнях, прижав обожжённую ладонь к груди, а ветер снова работал: бил по лицу, шевелил куртку, гнал снег вдоль скалы.

Лица стояла надо мной на коленях. Одной рукой держала мой подбородок, другой светила в глаза фонариком.

— Артём. Смотри на меня.

Я посмотрел.

— Зрачки реагируют. Дыши медленнее. Не закрывай глаза.

— Сколько?

— Четырнадцать секунд.

В ангаре прошло больше часа, возможно, несколько лет. Леви не знал. Я тоже.

— Ты не двигался, — продолжила Лица. — Потом пульс ушёл за сто восемьдесят, и тебя отбросило от кристалла. Что болит?

— Левая рука.

Она посмотрела на неё. Рука была цела.

Я тоже посмотрел: пальцы слушались, кожа чувствовала холод. И всё равно отсутствующая кисть Леви продолжала сжиматься где-то рядом с моей.

— Фантомная боль, — сказал я.

— У тебя обе руки на месте.

— Я знаю.

Лица потянулась к правой ладони. Кожа вокруг пореза покраснела и покрылась мелкими волдырями. Я отёрнул руку.

— Не трогай.

— Мне нужно обработать ожог.

— Кристалл ещё держит канал.

Она замерла и посмотрела на контейнер.

Синий свет стал слабее, но не погас; на внутренней крышке шли строки:

ОСНОВНОЙ КОНТУР: РАЗОМКНУТ ОСТАТОЧНЫХ КОНТУРОВ: 2 БИОЛОГИЧЕСКИЙ ЯКОРЬ: СТАБИЛЕН

— Два, — сказала Лица. — Уриил и Леви?

— Или я и кто-то из них.

— Очень обнадёживает.

— Я стараюсь.

Она достала воду и промыла порез, не касаясь кристалла. Боль вернулась нормальная: жжение, холод, давление бинта. Я следил за каждым ощущением. Хотел убедиться, что оно моё.

— Ты сказал «Леви», — произнесла Лика.

— Я был внутри него.

— В воспоминании?

— Нет. Он видел меня.

Лика затянула узел и подняла глаза.

— Контакт был двусторонним?

— Для меня — первый. Для него — нет.

Я рассказал про ангар, протез и Валькирию. Про то, как система приняла два сознания за одного оператора. Про оружие, которое навелось на образ Лики. Не рассказал только о третьем сигнале и о лице, увиденном перед разрывом на скале. Эта часть оставалась моей.

Лика слушала, растирая левое предплечье.

— Болит? — спросил я.

Она убрала руку.

— Нет.

— Ты его чувствовала.

— Я чувствовала тебя. Потом канал разделился. На несколько секунд у меня пропала левая рука. Я знала, что она на месте, но не могла найти её в схеме тела.

— Почему ты не сказала сразу?

— Ты лежал без сознания. Решила не отвлекать.

Она произнесла это сухо, почти его голосом, услышала сама и нахмурилась.

За нашей спиной треснул лёд. Лика мгновенно повернулась к звуку и сказала:

— Левый сектор чист.

Мы оба замерли.

— Какой сектор? — спросил я.

Лика медленно опустила фонарь.

— Не знаю.

Снежинка пересекла границу зоны и упала на крышку контейнера; следом легла ещё одна. Ветер добрался до кристалла, и синий свет под его поверхностью сжался в две точки.

Одна пульсировала редко и слабо.

Вторая отвечала ей из глубины.

Глава 14 ВАЛЛЮРИЯ

Две точки под поверхностью кристалла пульсировали вразнобой.

Я закрыл контейнер. Лепестки сошлись с тихим щелчком, и синий свет остался внутри. Ветер снова гнал снег по склону. Следы вокруг капсулы исчезали быстрее, чем мы успевали их оставить.

Ли́ка затянула ремень рюкзака и посмотрела на мою перевязанную ладонь.

— Пальцы чувствуешь?

— Все пять.

— Фантомная боль?

— Тоже на месте.

Она ждала продолжения. Я поднял контейнер, проверил вес и убрал его во внутреннее отделение рюкзака.

— Мы попытались, — сказал я. — Дальше убегать нет смысла.

— О чём ты?

— О том, что это больше нас. Я думал, мы бежим от конторы, которая считает людей материалом. Теперь у нас кристалл, два голоса из другого времени и оружие, способное принять человека за ошибку. Офисный сотрудник с ножом здесь не поможет.

— Хочешь вернуться к Семёну?

— Хочу воспользоваться тем, что у него есть. Это не одно и то же.

Ли́ка отвела взгляд к границе зоны. За ней облака спускались по склону и закрывали хребет. Погода давала нам час, максимум два.

— Если у «Заслона» есть защита, архивы и люди, которые знают Леви, нам придётся вернуться, — продолжил я. — Маркус увидел бурю раньше остальных. Семён, похоже, строит стену. Мне не нравится ни один из них, но камень с ледорубом мы уже попробовали.

— Ты уверен?

— Нет.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Значит, это твоё решение. Не эффект контакта.

Ли́ка расстегнула парку и достала из шва возле молнии плоскую чёрную пластину. Я видел, как её большой палец задержался над утопленной кнопкой.

— Что это?

— Аварийный канал.

— Чей?

— «Порога».

Холод в левом плече исчез. На его месте осталось вполне моё ощущение.

— Он был у тебя всё время?

— Да.

— И ты молчала.

— Канал односторонний до активации. Он передавал только контрольный импульс раз в сутки. Без координат.

— Очень предусмотрительно.

— Артём

— Нажимай.

Ли́ка не нажала.

— Я должна сказать сначала.

— Не должна. Ты просто решила, что сейчас безопаснее признаться.

Она приняла удар, не стала защищаться.

— Семён велел наблюдать за тобой после встречи. Если ты согласишься на контакт добровольно, я должна была вызвать эвакуацию. Если откажешься — уничтожить пластину и уйти.

— Со мной?

— Если позволишь.

— Поэтому он нас не остановил?

— Поэтому.

— А досье? Люди на вокзалах? Микроавтобус у Рудольфа?

— Не знаю. Я не получала от них ничего с Петербурга.

— Удобно.

— Да.

В её ответе не было просьбы поверить. Лика смотрела прямо и держала пластину открытой ладонью. Я мог взять её и швырнуть вниз. Она бы не помешала.

— Ты знала про капсулу?

— Нет.

— Про Уриила?

— Нет.

— Про Леви?

— Только то, что видела сама.

— А про меня?

Лика помедлила.

— Я знала, что «Порог» считает тебя контактом. Не знала почему. Потом увидела тетрадь.

— И решила довести эксперимент до конца.

— Решила не оставлять тебя одного.

Мы стояли у вскрытой скалы, в снегу по щиколотку, и оба понимали: доказать это она не сможет.

— Активируй, — повторил я.

Лика нажала кнопку. Пластина коротко завибрировала.

— Контакт согласен, — сказала она. — Требуется эвакуация. Два человека. Один артефакт. Медицинский приоритет.

Зелёный индикатор загорелся через семь секунд.

Я смотрел на него и думал, сколько ещё вещей находилось рядом со мной и принадлежало не той истории, которую мне рассказывали.

— Сигнал принят, — сказала Лика. — Точка встречи внизу. Пять часов пешком.

— Быстро работают.

— Они были ближе, чем я думала.

— Или всё-таки знали координаты.

Она убрала пластину. Спорить было не о чем.

Перед спуском я вернулся к скале и закрыл металлическую капсулу. Снег забился в щель, скрывая работу ледоруба. Потом положил ладонь на рюкзак, где лежал кристалл.

— Я тебя не бросаю, — сказал я тихо.

Лика услышала, но ничего не спросила.

Мы вышли из зоны подавления в 16:40.

Первые полчаса шли по собственным следам. Потом начался снег, и склон стал чистым. Лика держала направление по компасу, я проверял опоры ледорубом. Тело выбирало движение раньше, чем я успевал подумать: переносило вес, разворачивало стопу, опускало центр тяжести на рыхлом участке.

На крутом траверсе Лика остановилась.

— Ты раньше ходил по горам?

— Нет.

— Тогда перестань ставить ногу так уверенно. Меня это раздражает.

— Передам Леви.

Она не улыбнулась.

Через час лес поднялся навстречу. Ели закрыли ветер, зато под снегом появились мокрые корни. Лика дважды споткнулась на ровном месте. После второго раза я взял её за локоть.

— Левая нога?

— Иногда не понимаю, где она.

— У него проблема с рукой.

— Канал не обязан соблюдать анатомию.

— Удобно.

— Ты сегодня часто это говоришь.

— День подходящий.

Она высвободила локоть и пошла дальше. Я видел, что шаг стал короче.

В половине шестого над деревьями появился дрон. Маленький, матовый, с четырьмя закрытыми винтами. Он держался высоко и не мигал. Я остановился, дождался, пока аппарат уйдёт за кроны, и посмотрел на Лику.

— Без координат?

— До активации — без.

— А теперь?

— Теперь им известно, где мы.

— Наконец честный ответ.

Она резко развернулась.

— Ты имеешь право злиться. Но не переписывай последние дни так, чтобы тебе стало проще. Петербург не был заданием. Фенечка не была заданием. Я не знала, куда ты меня ведёшь, и всё равно пошла.

Золотистая нить выглядывала из-под моего рукава. Я спрятал руку в карман.

— Почему?

— Потому что в твоей тетради было моё имя. Потому что рядом с тобой я начала поминуть. Потому что мне тоже нужны ответы.

— Три причины.

— Выбирай любую.

Она пошла вниз. На этот раз я отстал на несколько шагов.

У ручья сделали привал. Воды осталось на два глотка, еды — плитка шоколада из капсулы. Обёртка ломалась в пальцах, шоколад побелел и пах картоном. Я разломил его пополам.

— Талл переживёт, — сказала Лика, рассматривая кусок.

— Он рассчитывал на людей с меньшими требованиями.

— Или знал, что к этому моменту нам будет всё равно.

Мы съели молча. Через минуту Лика потянулась к левому предплечью и сжала его.

— Опять?

— Прошло.

— Что именно?

— На секунду я знала, что впереди двое.

Я прислушался. Ручей шёл подо льдом, ветви скрипели, снег шуршал по капюшону.

— Никого.

— Я знаю.

— Откуда тогда двое?

— Не отсюда.

Она поднялась раньше меня.

К дороге вышли после девяти. Последний километр шли без фонарей: дрон спустился ниже и отмечал маршрут слабым инфракрасным пятном, видимым только через пластину Лики. У отбойника стояли две тёмные машины. Номеров не было. Фары включились, когда мы подошли на десять метров.

Из первой машины вышли трое. Одинаковые серые куртки, перчатки, короткие стрижки. Оружие они не показывали; кобуры под одеждой читались и без того.

— Соболев. Каннингем, — назвал старший. — Рюкзаки на землю.

— Нет, — сказал я.

Он посмотрел на перевязанную руку, потом на Лику.

— В рюкзаке активный объект.

— Поэтому он останется у меня.

— По протоколу объект перевозится в экранированном контейнере.

— По моему протоколу я не отдаю незнакомым людям вещь, из-за которой шёл через четыре страны.

Мужчина коснулся гарнитуры.

— Первый, запрашиваю решение.

Ответ пришёл сразу. Он выслушал, убрал руку.

— Оставьте у себя. Сядете во вторую машину. Если контейнер откроется — выбросите его наружу и ложитесь на пол.

— Отличный протокол.

— Другого нет.

Леви говорил почти так же.

В машине пахло нагретым пластиком и медицинским спиртом. Между сиденьями стоял ящик с жёлтой маркировкой биологической опасности. Лика обработала мне ладонь, сменила бинт и сделала инъекцию против воспаления.

— Это хотя бы ваше? — спросил я, глядя на шприц.

— Моё.

— Уже легче.

Она убрала ампулу и отвернулась к окну.

Через стекло ничего не было видно, кроме редких фонарей. Машина шла быстро, не останавливалась на перекрёстках и дважды меняла направление в тоннелях. Я считал повороты, пока маршрут не перестал совпадать с дорогой на карте.

— Мы едем не к главному комплексу ЦЕРНа, — сказал я.

Водитель не ответил.

— К «Валлории», — произнесла Лика.

— Знаешь это место?

— Только название из закрытых медицинских реестров. Частная неврологическая клиника. Шесть коек, ни одного врача в открытых списках.

— Удобное место для учёного, которого нет.

— Да.

На этот раз слово осталось за ней.

Через час машина свернула с освещённой дороги к бетонному portalу. Над въездом не было вывески. Камера прочитала метку под капотом, ворота ушли в стену. Мы спустились по спиральному тоннелю на четыре уровня.

На нижней площадке нас ждали.

Сначала забрали верхнюю одежду и обувь. Потом провели через рамку, которая реагировала не на металл, а на кристалл: по стойкам прошли синие полосы, в помещении погас свет.

Рюкзак я не отдал. Техник в защитном щитке выругался по-французски и включил ручной контур заземления.

— Он стабилен, — сказала Лика.

— В горах тоже был стабилен, — ответил техник. — Пока перестал.

Нам выдали серые куртки без карманов и пропуска с красной полосой. На моём значилось только СОБОЛЕВ / СОПРОВОЖДЕНИЕ. У Лики — КАННИНГЕМ / МЕДИЦИНСКИЙ ДОПУСК: 2.

Ниже мелким шрифтом стояло:

VALLORIA

Лифт не имел кнопок. Камера сверила лица, двери закрылись. Внутри у меня заложило уши; кабина шла не вниз и не вверх, а в сторону. Через сорок секунд нас выпустили в коридор с белыми стенами и мягким светом.

Валлория не походила на клинику. Не было стойки регистрации, тележек и запаха еды из палат. Воздух очищали до отсутствия запаха. Двери стояли далеко друг от друга, на каждой — номер и маленькое окно из многослойного стекла.

В обычной больнице жизнь выдаёт себя мелочами: чьей-то кружкой на подоконнике, забытым халатом, спором у поста медсестры. Здесь человек не оставлял следов. Даже пол под ногами был матовым, чтобы не сохранять отражение, а свет не имел заметного источника и одинаково ложился на лицо, стену, закрытую дверь. Место проектировали не для выздоровления. Его проектировали так, чтобы любое изменение можно было измерить.

Лика замедлялась возле каждого окна. Она не заглядывала внутрь, но по цифрам на дверях, типу замка и толщине кабеля понимала больше меня. У третьей палаты её рука едва заметно поднялась к левому предплечью, затем опустилась. Я сделал вид, что не заметил. После горы у нас обоих появилось слишком много движений, которым пока не находилось объяснения.

Наши шаги почти не звучали. Под потолком работала система подавления, похожая на горную зону только внешним эффектом: здесь тишину создавали кабели, экраны и сотни датчиков. Кристалл в рюкзаке нагрелся.

Я остановился.

— Что?

— Контейнер.

Лика приложила ладонь к ткани.

— Тёплый. Света нет.

Камера над дверью повернулась в нашу сторону.

— Не открывать, — сказал голос из динамика.

— Даже не собирался.

— Это хорошо, Соболев. Вы быстро обучаетесь.

Я узнал Семёна Игоревича.

Дверь открылась.

Он ждал в небольшой комнате без окон. Стол, четыре стула, экран во всю стену. На столе стояли два стакана воды и запечатанный медицинский пакет для моей руки. Семён сидел в тёмно-синем костюме и делал пометки, как при нашей первой встрече.

— Вы слишком долго гуляли по Европе и горам, — сказал он.

— Мы не гуляли, — ответила Лика.

— Знаю. Присаживайтесь.

Я остался стоять.

— Вы знали, где мы.

— Последние пять часов — да.

— А до этого?

— Мы видели финансовый след до Бреста, камеры в Тереспале и запись с немецкой фермы. Потом потеряли. Ваш маршрут был непрофессиональным, но человеческая помощь плохо прогнозируется.

— Микроавтобус у Рудольфа ваш?

— Нет. Конкурирующее ведомство. Вы ушли раньше, чем они подтвердили личности. Лика побледнела.

— Кто?

— Позже.

— Удобно, — сказал я.

— Да.

Семён закрыл папку.

— Вы вернулись сами. Сейчас это важнее остального.

— Для протокола?

— Для совместимости. Принуждение повышает сопротивление и снижает синхронизацию, но дело не только в цифрах. Удерживаемое тело выполняет команду до первой возможности сопротивляться; человек, который вернулся сам, хотя бы понимает цену собственного решения. Мне не нужно ваше послушание, Артём. Оно ненадёжно. Мне нужно, чтобы в критический момент вы действовали по той причине, которую выбрали сами, даже если эта причина окажется неудобной для меня и для «Порога».

— Тех, кто не подходит, вы списываете.

— Я стараюсь вывести из протокола тех, кто не подходит. Иногда не успеваю.

Он сказал это ровно. Ни оправдания, ни просьбы понять.

— Где Талл? — спросил я.

— Здесь.

Лика подняла голову.

— Он в сознании?

— Иногда. После активации кристалла — чаще.

— Вы следили за ней?

— Мы следили за фоновым шумом. Шесть минут назад он назвал вашу фамилию, Каннингем.

Лика сжала край стула.

— Откуда он меня знает?

— Спросите у него.

Лика отпустила край стула не сразу. На коже остались белые следы от ногтей. Она смотрела на Семёна спокойно, однако дыхание стало реже — так она делала перед медицинской процедурой, когда нужно было убрать из голоса всё личное.

— Вы произнесли это так, будто встреча была запланирована.

— Она была возможна. Это не одно и то же.

— Для человека по ту сторону двери разница есть?

Семён помолчал, выбирая не красивый ответ, а тот, который сможет защитить документами.

— Талл много лет реагировал только на два типа сигнала. Первый исходил от кристалла. Второй мы не могли воспроизвести. Сегодня появились оба. После этого он назвал вашу фамилию и потребовал открыть палату. Я не знаю, что он собирается вам сказать, Лика. Если бы знал, этот разговор происходил бы иначе.

— Под запись?

— Под наркозом.

Она кивнула. Ответ ей не понравился, зато она ему поверила.

Семён повернулся к экрану. На нём появилась пустая улица небольшого посёлка. Снег лежал нетронутым, в окнах горел свет. На столе в одном из домов стояла чашка, над ней ещё шёл пар.

Следующий кадр: подвал, бетонная стена вскрыта изнутри, на полу тонкие чёрные следы. Не кровь — слишком ровные, с металлическим блеском.

Потом лес. Деревья стояли целыми, но хвоя на них стала белой. У края дороги лежала лисица. Камера приблизила глаз: вместо зрачка — мутная плёнка с повторяющимся узором.

Последней появилась строка:

ЗОНА ОЧИЩЕНА. УГРОЗА ЛОКАЛИЗОВАНА.

— Что это? — спросила Лика.

— Липно. Три недели назад. Сто восемьдесят семь человек исчезли за девять минут.

— Исчезли куда?

— Если бы мы знали, в отчёте было бы другое слово.

— А «очищена»?

— Мы закрыли дороги, заменили записи камер и объяснили всё утечкой химикатов. Это наша работа.

Я смотрел на белую хвою и знал, что уже видел такой лес. Не глазами. Леви шёл между этими деревьями в будущем или в другой ветке. Там снег был чёрным.

— Мы не военные, — сказал я.

— Именно поэтому вы здесь. Военные решают задачу и уходят. Нам нужны люди, которые замечают, что осталось после решения.

— Красиво говорите.

— Я давно тренируюсь.

Семён нажал кнопку на столе.

— Касим.

Дверь открылась почти сразу.

Вошедшему пришлось слегка повернуть плечи. Не из-за театрального размера — проём действительно был узким для человека ростом под два метра. Тёмная кожа, короткие плотные завитки, старый рубец над левой бровью. Серую футболку растягивали плечи и грудь; на предплечьях лежали светлые полосы старых шрамов.

Он посмотрел сначала на наши руки, потом на обувь и только после — в лица. Привычка человека, который оценивает, способен ли собеседник ударить, убежать или упасть.

Моё тело выпрямилось само. Стопы встали шире, вес ушёл вперёд, левая рука закрыла рюкзак.

Бак заметил.

— Ты служил? — спросил он.

— Нет.

— Тогда кто тебя так поставил?

— Человек без левой руки.

Взгляд Бака задержался на секунду.

— Леви.

— Знаешь его?

— Знаю достаточно.

Семён Игоревич подвинул к нему тонкую папку.

— Возьмёшь их с собой. Сначала к Таллу, утром — на демонстрацию. Каннингем, ваш допуск повышен до третьего уровня.

Лика резко повернулась.

— Я ничего не подписывала.

— И не подпишете. Это не вербовка.

- Тогда что?
 - Возможность увидеть последствия до того, как вы примете следующее решение.
 - Опять добровольное согласие?
 - После увиденного вы сможете решить осознанно.
- Бак взял папку, не открывая.
- И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.